

ПУТИ РАЗВИТИЯ РОССИИ

От «восточного деспотизма» к «среднеслабому капитализму»: оборванный путь институционального развития императорской России¹

Р.М. НУРЕЕВ, Ю.В. ЛАТОВ

Данная статья является началом серии публикаций, посвященных изложению предложенного авторами институционального подхода к анализу развития российской цивилизации в новое и новейшее время, который основан на изучении единства прерывистости и непрерывности. С одной стороны, с XVII в. политическая элита России систематически (хотя и с временными «откатами») предпринимала попытки капиталистической модернизации, ориентируясь на институты Западной Европы. С другой стороны, сильная зависимость от институтов средневековой власти-собственности ограничивала возможности реформирования, генерировала противоречивое сочетание прозападных и провосточных тенденций. В результате к началу XX в. Россия так и не смогла окончательно решить, является ли она «другой Европой» или «не-Европой».

Ключевые слова: институциональная экономическая история, российская цивилизация, власть-собственность, частная собственность, институциональная конкуренция, догоняющее развитие, модернизация

Киевская Русь (IX–XIII вв.) воспринималась современниками как одна из европейских стран, качественно от них не отличающаяся. Это проявляется, в частности, в многочисленных династических браках ранних Рюриковичей с правителями многих стран Европы (от стран-соседей до отдаленной Франции), которые прервались в XIII в. и возобновились только в XVIII в. В то же время следует отметить два очень важных институциональных сдвига, которые прошли в Западной Европе в XI–XII вв. – это «коммунальная революция» (становление городского самоуправления) и «папская революция» (возрождение римского права) – и которые были пропущены зарождающейся российской цивилизацией уже в домонгольский период. Киевскую Русь IX–XIII вв. сравнивают с Францией Каролингов VIII–IX вв.,

---

¹ Данная статья является логическим продолжением предшествующей публикации [Нуреев, Латов 2011], в которой была дана характеристика причин и особенностей развития в средневековой России институтов власти-собственности. Изложенный в статье материал является развитием концепции авторов, изложенной в работах: [Нуреев 2009; Нуреев, Латов 2010].

где тоже еще не было ни регулярной администрации, ни крупных ремесленно-торговых городов, ни развитого правового регулирования.

Русское государство XIII–XVII вв. еще более отдалилось от западного пути развития, приближаясь к «восточному деспотизму». Коллективизм и авторитаризм, основные черты традиционной российской хозяйственной культуры, «впечатывались» в национальную ментальность не только типичными условиями мобилизационно-коммунальной среды, но и экстремальными (в сравнении с Западной Европой) обстоятельствами той эпохи Средневековья, когда происходило формирование российского этноса. Существенную роль играло институциональное влияние Византии, Золотой Орды и Османской империи – стран с сильными авторитарными традициями. Все это способствовало развитию в средневековой России институтов власти-собственности, которые отдаляли нашу страну от Западной Европы, где приоритетно развивались институты частной собственности.

Россия во втором «эшелоне» развития капитализма

Для понимания сравнительных особенностей развития России в Новое время целесообразно использовать теорию «эшелонов развития капитализма» американского экономиста-историка российского происхождения Александра Гершенкрона [*Herschenkron* 1962, p. 353–364]². Рассмотрим, как формировались эти «эшелоны» (*таблица 1*) и какое место в них занимала Россия.

Таблица 1. Эшелоны развития мирового капитализма

«Эшелоны»	Страны	Особенности развития капитализма	Роль государства в экономике	Положение стран в капиталистической мир-системе
1-й (с XIV–XV вв.)	Западная Европа	Длительное спонтанное развитие	Заметная	Главенствующее (ядро капиталистической мир-системы)
2-й (с XVIII в.)	Восточная Европа, Россия, Турция, Япония, Латинская Америка	Развитие сжато; импульс развития идет как изнутри, так и извне	Значительная	Второстепенное (обычно – полупериферия капиталистической мир-системы)
3-й (с конца XIX в.)	Колониальная и зависимая «периферия» Азии и Африки	Неорганичность капиталистической эволюции, возникновение реакции отторжения	Доминирующая	Полностью зависимое (обычно – периферия капиталистической мир-системы)

Первый «эшелон», от которого Россия отстала. Институциональные предпосылки рыночной экономики в Западной Европе складывались постепенно, начиная с XIV–XV вв. Рост производительных сил, углубление общественного разделе-

² Одной из первых публикаций в нашей стране с изложением концепции эшелонов развития была книга: [Лантин, Плимак, Хорос 1986, с. 31–53].

ния труда, укрепление городов как центров ремесла и торговли, превращение ренты продуктами в денежную ренту постепенно подготовили новый качественный этап в развитии феодализма, создавая в то же время предпосылки для его разложения.

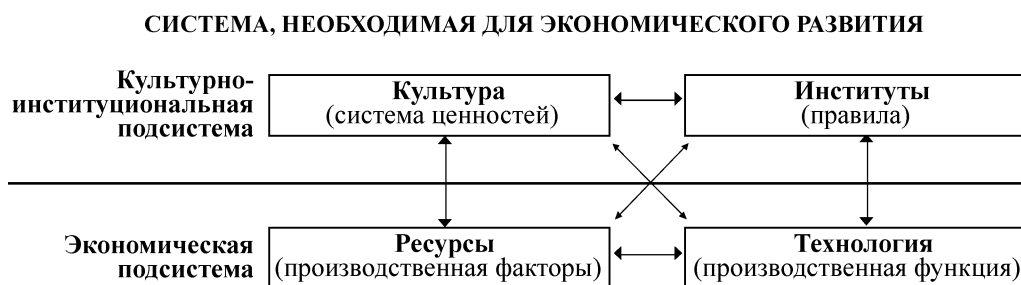

Рисунок 1. Взаимосвязанное развитие в социальной системе

Источник: [Hayami 1997, p. 11].

Исследования институционалистов показали, что развитие включает в себя не только экономическую подсистему, но и широкий спектр неэкономических переменных, в том числе формальные и неформальные институты, культуру и всю систему ценностей, без которой полноценное развитие невозможно (рисунок 1). История стран первого «эшелона» убедительно показывает параллельность (хотя и несинхронность) изменений во всех сферах жизни общества.

Важную роль сыграла автономизация экономической жизни: децентрализация власти и ответственности стали необходимыми условиями экспериментирования, позволили преодолеть сопротивление инновациям. Именно рост независимости экономических агентов создал предпосылки для экономического роста, сам же рост являлся в значительной мере продуктом непрерывных инноваций, которые осуществлялись через расширение торговли и открытие новых ресурсов, сокращение издержек производства, выпуск новых продуктов, создание новых форм организаций и т.д. При этом эти инновации были бы невозможны без развития и укрепления частной собственности, которая позволила извлекать новаторам наибольшие доходы из их изобретений.

Расширение торговли повышало относительную свободу экономических агентов, постепенно подрывало основы типичного для феодализма произвольного вмешательства властей. Внешняя торговля, в отличие от внутренней, оказалась более свободной от регулирования правительств. В разрушении традиционной «зарегулированности» индивида определенную роль сыграли развитие пиратства и широкая практика контрабанды; они развивались на границах феодальных империй, а столкновение интересов государств препятствовало установлению полного контроля над морской торговлей.

Именно в этот период создаются благоприятные для развития коммерции³ институты, которые были подготовлены, прежде всего, изменениями в системе пра-

³ Подробнее см.: [Розенберг, Бирдцелл 1995, с. 120–149].

ва. Широкий товарооборот создал систему прецедентов по поводу таких важных для торговли явлений как страховка, векселя, судовой фрахт, договоры о продаже, соглашения о товариществе, патентах и об арбитраже. Параллельно с развитием коммерции происходило очищение закона от дискреционных, ритуальных, религиозных примесей.

Постепенно формировались предприятия нового типа, и этому в немалой степени способствует распространившаяся на рубеже XV–XVI вв. бухгалтерская двойная запись, которая из проверки ошибок превращается в механизм, закрепивший отделение трансакций предприятий от трансакций человека; собственность предприятия начала существовать отдельно от семейной собственности; предприятие становилось юридическим лицом; а оценка активов-пассивов, четкое определение баланса предприятия (прибылей и убытков) позволяли развить практику кредитования на основе оценки финансового положения фирмы и перспектив ее развития.

Расширение торговли было бы невозможно без развития денег и кредита, изменений в системе финансов: с XIII в. векселя использовались вместо монеты, а с XVII в. они приобрели свойство обращаемости с передачей третьим лицам по индоссаменту. Успеху торговли способствовало также и активное развитие банков и страхования.

В условиях, когда христианство освящало существовавший феодальный строй, движение вперед было невозможно без реформы католической церкви. В борьбе с католицизмом теоретики Реформации XVI в. (Мартин Лютер, Жан Кальвин и др.) дали обоснование «духа капитализма» – неформальных институтов рыночного хозяйства, а идея равенства в отношениях между людьми трансформировалась в идею эквивалентности обмена товаров, идея честного труда – в обоснование буржуазного предпринимательства.

Общеизвестно, что капитализм – это рыночная экономика на такой ступени развития, когда возникает рынок труда. Поэтому содержанием первоначального накопления капитала являются создание предпосылок капиталистических отношений и, прежде всего, становление производителя нового типа, свободного как личность и лишённого средств производства и жизненных средств. Появление рабочей силы в качестве товара предполагало ликвидацию как личной, так и поземельной зависимости крестьян от феодала и освобождение ремесленников от господства цехового принуждения; отмена наиболее тяжелых форм личной зависимости в большинстве стран Западной Европы произошла в XIV–XV вв., освобождение крестьян от поземельной зависимости – в XVI–XVIII вв.

Становление капитализма в странах первого «эшелона» развития капитализма было довольно органично не только в экономической, но и в социально-правовой и политической сферах. Здесь следует назвать такие институциональные реформы как создание бесплатных публичных школ, обеспечение безопасности жизни и собственности граждан путем развития законопослушания и эффективной борьбы с преступностью, расширение права участия в выборах, смена абсолютных монархий республиканскими и демократическими правительствами.

Второй «эшелон» в погоне за первым. Россия никогда не принадлежала к первому «эшелону»: он пронесся мимо России, когда она залечивала раны Смутного времени. Именно стремление догнать этот передовой эшелон служил главной целью всех российских радикальных реформаторов – от Петра I (ориентация на опыт Голландии и Швеции) до Б.Н. Ельцина (ориентация на модель США). Временами огни первого «эшелона» явственно приближались, порождая надежды, что

стоит сделать еще одно усилие, и Россия войдет в число высокоразвитых держав как равная среди равных. Увы, за очередным поворотом экономического развития обнаруживалось, что разрыв между Россией и передовыми странами если и сократился, то незначительно.

Второй эшелон развития капитализма начал формироваться в XVIII – середине XIX вв. в странах Восточной Европы, в России, Турции, Японии. «Типичная ситуация в отсталой стране до начала развертывания масштабных процессов индустриализации, – писал А. Гершенкрон, – может быть описана как напряжение между фактическим состоянием экономической деятельности в стране и существующими помехами для промышленного развития, с одной стороны, и многообещающей перспективой такого развития – с другой» [Гершенкрон 2004, с. 423]. Импульс рыночной модернизации для этих стран был задан не столько внутренними, сколько внешними обстоятельствами; капитализм в этих государствах не столько вырос из «снизу», сколько насаждался «сверху» путем выгодных, гарантированных заказов, крупных субсидий и дотаций частному капиталу, через создание монопольных условий производства и реализации отдельных видов продукции, посредством прямого развития государственного предпринимательства и т.д.

Россия осознала свою отсталость от Западной Европы уже во время Смуты начала XVII в., когда второй раз (после монголо-татарского нашествия XIII в.) российская цивилизация оказалась под угрозой слома. Главным уроком Смуты стала необходимость «учиться у Запада»; правление первых Романовых было периодом медленной, но неуклонной вестернизации/европеизации, которая проявлялась в самых разных сферах – от создания дворцового театра до организации полков «иноземного строя». Если до правления Петра I европеизация развивалась в эволюционном режиме, то затем правители Российской империи сознательно стараются «учиться у Европы», чтобы максимально быстро поставить страну вровень с Западом. Это – *догоняющее развитие, понимаемое как копирующая модернизация*: отстающая страна целенаправленно воспроизводит те институты передовых государств, которые кажутся ей наиболее важными, чтобы сравняться с ушедшими вперед.

Конечно, на первых порах это подражание касалось в основном наиболее поверхностных институтов (армии, прикладного образования, производства военной техники), поэтому в XVII в. одновременно происходило усиление как некоторых прозападных, так и некоторых провосточных институтов: например, установление крепостного права в 1649 г., чтобы крестьяне не могли уйти от своего помещика/вотчинника, – и начало создания в 1650-е гг. регулярной армии, для которой уже не нужны военно-служебные пожалования. Это противоречивое движение одновременно вперед и назад продолжалось и в дальнейшем. На особенности российского «крепостнического капитализма» лаконично указал К. Маркс, писавший во втором наброске ответа на письмо В.И. Засулич, что в России возник «известный род капитализма, вскормленный за счет крестьян при посредстве государства...» [Маркс, Энгельс т. 19, с. 415].

Движимое главным образом военными интересами, государство в России становилось главным агентом модернизации экономики – органом, отвечающим за социально-экономический прогресс в стране. «Поскольку экономическое развитие таким образом вызывалось острой военной необходимостью, – писал А. Гершенкрон, – оно двигалось резкими толчками: убыстрялось, когда военная необходимость усиливалась, и замедлялось, когда необходимость ослабевала» [Гершенкрон 2004, с. 434].

В отличие от стран первого «эшелона», где изменения происходили плавно, в течение долгого времени, Россия демонстрировала резкую сжатость изменений в разных сферах жизни (таблица 2). Некоторые институциональные изменения, типичные для западноевропейских стран, Россию вообще обошли стороной (например, активизация внешней торговли, Реформация); другие пришли в нее с существенным запозданием (банки, парламентаризм, отмена крепостного права). В то же время в некоторых сферах Россия даже обгоняла передовые страны Западной Европы: например, если во Франции внутренние таможенные пошлины, мешавшие формированию внутреннего рынка, отменили лишь в 1792 г., то в России – в 1754 г.

Таблица 2. Асинхронность институциональных изменений в России и в Западной Европе

Институты, необходимые для капиталистической модернизации	Время институциональных изменений	
	В Западной Европе	В России
Ликвидация крепостного права	XIV–XV вв.	1861 г.
Реформирование церкви	XVI–XVII вв.	Вместо Реформации – Раскол
Активизация торговли	Внешняя торговля – с XVI в., внутренняя – с XVIII в.	С XVIII в. (внешняя торговля контролируется в основном иностранцами)
Распространение векселей, бумажных денег	С XVII в.	Со второй половины XVIII в.
Банки, страховые организации	С XVII в. (Банк Англии – с 1694 г., «Ллойд» – с 1710-х гг.)	С начала XIX вв. (Государственный коммерческий банк – с 1817 г., «Первое Российское от огня страховое общество» – с 1827 г.)
Парламентская власть	XVII – первая половина XIX вв.	Элементы парламентаризма – только после 1905 г.
Формирование правового государства	XVIII – начало XIX вв. (кодекс Наполеона – 1804 г.)	Фактически не завершилось и к началу XX в. (первый свод законов – 1830 г.)

Российский опыт догоняющего развития уникален тем, что ни одна другая отстающая страна мира не имела в своем распоряжении так много времени – целых два века. Для сравнения вспомним, что латиноамериканские государства стали «догонять» только после получения независимости в 1820-х гг., Япония включилась в догоняющее развитие после революции Мэйдзи (1868 г.), Турция – примерно в это же время. История поставила в России своего рода эксперимент: есть страна с культурными корнями, во многом близкими к европейским, с большими (но не избыточными, провоцирующими рентоискательство!) ресурсами и с тянущейся к Европе элитой; пусть она за двести лет попробует «стать Европой». Результат получился крайне противоречивый: на протяжении 1612–1917 гг. доминировала тенденция к сближению социально-экономических институтов России и Западной Европы, но затем, едва ли не одновременно, они снова резко разошлись.

При обсуждении причин гибели советской социально-экономической модели в различных формах обсуждается вопрос «жокей или лошадь?». Речь идет о том, объясняется ли гибель СССР главным образом неправильной политикой неумелых

или даже преступных руководителей (концепция «плохого жокея») или же тем, что сама советская командная экономика имела неустранимые и губительные недостатки (концепция «плохой лошади»). Та же самая дилемма постоянно встает и перед исследователями императорской России: одни сокрушаются по «России, которую мы потеряли» из-за чисто политических (и в общем-то случайных) неурядиц; другие считают царскую Россию обреченной на гибель и подчеркивают мужество революционеров, которые смогли все же спасти страну. Для ответа на вопрос, какая из позиций ближе к истине, необходимо дать общую оценку противоречивым результатам догоняющего развития, достигнутым царской Россией к 1910-м гг.

Противоречивый путь «освобождения дворян»

В ходе модернизации, направленной на переход от докапиталистического к капиталистическому строю, российское общество должно было перейти от сословной структуры (дворянство, крестьяне, горожане) к классовой (предприниматели, наемные работники). Для этого дворяне и крестьяне должны были изменить институты власти-собственности в институты частной собственности, и самое главное, должна была сформироваться новая – уже не аграрная, а индустриальная – социально-экономическая система, основанная на взаимоотношениях наемного труда и капитала.

Предкапиталистические аграрные общества состоят из двух социальных групп – земледельцев (крестьян) и землевладельцев (феодалов или государственных чиновников). Поэтому строительство «светлого капиталистического будущего» могут инициировать либо «верхи» (обуржуазившееся дворянство в Великобритании и Германии, либеральная бюрократия и интеллигенция в Японии и Китае), либо «низы» (превращающиеся в фермеров крестьяне Северной Америки).

Наиболее надежен, конечно, второй путь – путь «живого творчества масс». Именно так происходило, например, в английских колониях в Северной Америке XVII–XVIII вв.: «экспортированные» первоначально из Англии дворянское землевладение и принудительный труд в условиях наличия свободных земель решительно не прижились. В результате без революционных потрясений спонтанно сформировалось общество, состоящее главным образом из предпринимателей (в т.ч. фермеров) и наемных работников. Война за независимость 1775–1783 гг. лишь подтвердила, что североамериканские колонии Великобритании «доросли» до уровня метрополии (а отчасти и переросли ее) и не нуждаются больше в «материнской» опеке.

Однако для стран догоняющего развития путь «живого творчества масс» обычно заказан, поскольку догоняющее развитие происходит всегда под влиянием некоего внешнего передового опыта, наблюдать который может только элита, но не простые подданные. Именно правящая элита становится главным проводником идей модернизации, именно она определяет основные направления и темп обновления. Поэтому для инициирования догоняющего развития крайне важно, насколько модернизировалась сама элита.

Исходя из этих соображений, при анализе начальных фаз догоняющей модернизации в России первостепенное внимание следует обратить на изменения в жизни правящего сословия, дворянства, и лишь во вторую очередь – взглянуть на жизнь крестьянства как главного сословия подданных, чтобы понять, в какой степени «вызов» элиты инициировал «ответ».

На Западе буржуазные революции совершались (или, по крайней мере, начинались) в союзе горожан-предпринимателей и обуржуазившихся выходцев из привилегированного сословия (Эгмонт и Вильгельм Оранский в Голландии, Кромвель и творцы «славной революции» 1688 г. в Англии, Мирабо и Лафайет во Франции). В России все было иначе. С одной стороны, здесь участие выходцев из дворян в политических переворотах и революционных катаклизмах было куда более активным, чем в Европе: организаторы дворцовых «революций» 1762 и 1801 гг. являлись дворяне (Радищев, декабристы, Герцен, Софья Перовская), да и сам В.И. Ленин – был сыном дворянина, имевшего право передавать этот титул по наследству. С другой стороны, в России прогрессивно мыслящие дворяне действовали вовсе не в союзе с «купцами-аршинниками», но сами по себе (на позднем этапе – вместе с разночинцами, среди которых преобладали выходцы из небуржуазных слоев), ради «общего блага». Фактически российское дворянство играло роль одновременно и консервативного высшего, и революционного «третьего» сословия – в одной дворянской фамилии могли быть и «Муравьевы, которые вешают», и «Муравьевы, которых вешают».

Ранее уже указывалось, что российское дворянство стояло куда ближе к восточным «служивым людям», чем к западным аристократам. За два века до того, в 1649 г., было завершено закрепощение крестьян, Московское государство закрепостило дворян, запретив им уже в первой половине XV в. переходы от одного правителя к другому и поставив их землевладение под государственный контроль. Прежде ограниченное в своих правах, российское дворянство зато и раньше раскрепостилось, став первым (и до Великой Реформы 1861 г. единственным в стране) относительно свободным сословием.

Освобождение дворянства произошло в России, как и любые важные реформы в странах догоняющего развития, в форме своего рода растянутой «революции сверху». Сразу после Смуты Романовы начали своеобразную «денационализацию», щедро разрешая переводить помещичьи владения в вотчинные. К концу XVII в. доля помещичьего землевладения сократилась до 40%⁴. Если ранее вотчины сближались с поместьем, то теперь, наоборот, поместья стали сближаться с вотчинами. В частности, уже при Михаиле Романове был узаконен переход имения в род помещика, умершего бездетным, – мероприятие, диаметрально противоположное политике Ивана Грозного.

При первых Романовых ориентация на Европу (причем не очень последовательная) оставалась прерогативой лишь самых высших слоев правящей элиты, а массовое (хотя бы на уровне дворянства) восприятие Западной Европы как желаемого стандарта началось со времен Петра I, когда «европеизация» стала не модой, а принудительно внедряемым образом жизни. Само принятие Петром Великим императорского титула было символом поворота с Востока на Запад. Последующие два столетия, с начала XVIII до начала XX вв., прошли с постоянной оглядкой на то, что «подумает Европа».

Когда Петр I проводил в начале XVIII в. свои знаменитые реформы, то главными институтами, которые надо было заимствовать у Запада, он посчитал регулярную армию и регулярное бюрократическое государство; в этом государстве каждый (даже сам император) исполняет свою функцию и именно этим ценен. Иначе говоря, регулярное государство в понимании Петра Великого – это общество служивых лю-

⁴ Данные о соотношении вотчинного и помещичьего землевладения см.: [Зимин 1960, с. 76–78; Горская 2001, с. 53].

дей, близкое к модели азиатского способа производства. Что касается социально-экономической свободы, то ее в Европе Петр Великий не заметил (а если и заметил, то не посчитал чем-то достаточно важным), в результате для российского дворянства петровские времена обернулись едва ли не второй опричниной⁵.

В XVII в., при первых Романовых, условия службы начали было либерализоваться, приближаясь к западному феодализму, в петровские же времена «азиатский деспотизм» возродился и даже усилился: все дворяне стали обязаны служить с 15 лет до конца жизни, причем обязательно с низших чинов (в XVII в. помещик или вотчинник служил в армии обычно во главе отряда своих боевых холопов); если дворянин не являлся в полк или государственное учреждение, к которому был приписан, его могли наказать кнутом (по указу 1720 г.) или «просто» лишить имения. Получение нужного для службы образования стало государственной повинностью – неграмотным дворянам запрещалось жениться. При необходимости государь мог приказать любому дворянину переселиться на новое место: подобно тому как Иван III выселял новгородских бояр, Петр I заселял «переселенцами» окрестности Санкт-Петербурга. Местничество отменили в 1682 г., еще при царе Федоре Алексеевиче, и теперь император демонстрировал, что каждый дворянин ценен не древностью фамилии и не заслугами предков, а личной преданностью царствующему монарху. Чтобы подчеркнуть это, Петр I начал щедро жаловать высшие дворянские титулы и земли своим приближенным самого разного социального происхождения (как А. Меншикову), что привело к обесценению социального капитала знатных фамилий⁶.

Но петровское «зажимание гаек» стало в царской России одной из последних волн усиления «азиатского деспотизма», а ориентация на Запад превратилась в главный элемент политики Петра Великого и всех его потомков, а потому независимо от того, что именно хотел заимствовать монарх, в «прорубленное окно» просачивалось и все остальное – и то, что правитель не замечал, и то, что он замечал, но отвергал.

Идея «шляхетских вольностей» впервые прозвучала в 1730 г. во время «заговора» членов Верховного совета. Хотя Анна Иоанновна смогла «разодрать кондиции» и править самодержавно, но тягу дворянства к раскрепощению она постаралась удовлетворить, не доводя их протест до взрыва. В 1736 г. она повысила возраст поступления на службу до 20 лет (к тому же при ней стало можно, записавшись в армию с малых лет, фактически начинать служить уже офицером), сократила срок обязательной службы с пожизненной до 25 лет и разрешила в каждой дворянской семье одному из нескольких сыновей вообще не служить, занимаясь управлением родового имения.

Самым важным шагом в освобождении дворян стал Манифест о вольности дворянства Петра III в 1762 г., наконец-то сделавший государственную службу делом личного предпочтения дворянина: лишь теперь русский дворянин получил право заниматься исключительно своим имением – такой возможности ранее у

⁵ «...При первом императоре государственное закрепощение дворянства... достигло своего апогея...» [Миранов 2003, т. 1. с. 363].

⁶ Эта практика Петра I и его потомков вызвала очень болезненную реакцию А.С. Пушкина, отразившего умонастроения многих российских аристократов: «Не торговал мой дед блинами, // Не ваксил царских сапогов...». Парадокс заключается в том, что по своему происхождению великий русский поэт был потомком дворянских фамилий обоих типов: семья Пушкиных – старый боярский род, но прадед поэта Абрам Ганнибал – «арап Петра Великого», который не смог бы стать российским дворянином в любую другую эпоху, кроме эпохи Петра Великого.

него не было никогда (за исключением новгородских бояр XII–XV вв. и шляхтичей Русско-литовского государства XIV–XVII вв.).

Пожалуй, только с этого момента можно говорить о возникновении в России социально-экономического строя, хотя бы приблизительно схожего с «нормальным» (западным) феодализмом. Но если западный феодализм развивался в условиях натурального производства, то российские «бары» стали хозяевами самим себе уже в эпоху широкого развития товарно-денежных отношений. Как раз во второй половине XVIII в. в Западной Европе (особенно в Англии) начался промышленный переворот, который привел к быстрому росту промышленности, но одновременно к относительному сокращению сельскохозяйственного производства. Поэтому российские «феодалы» к началу XIX в. стали крупнейшими в Европе экспортерами зерна, произведенного крепостными при отработке барщины или сдаче оброка. «Нормального» феодализма, как в Западной Европе VIII–XV вв., в России так и не получилось.

Начатую Петром III «революцию сверху» в деле раскрепощения дворян завершила Екатерина II: в Жалованной грамоте дворянству 1785 г. она освободила дворян от телесных наказаний и закрепила за ними монопольное право владеть землей и крепостными. Именно со времен Екатерины Великой в России появляется «непоротое поколение». Когда в 1797 г. Павел I восстановил обязательную службу дворян, это было уже воспринято эмансипирующимся дворянством как проявление «восточной» тирании и завершилось для императора «апоплексическим ударом в висок»; его сын Александр I в 1801 г. сразу же отменил обязательность дворянской службы.

Итак, только к концу XVIII в. в России экономическая свобода правящего сословия стала отчасти совпадать с европейскими институтами эпохи зрелого феодализма. Конечно, лишь отчасти, поскольку Россия вовсе не стала правовым обществом, и сохранение дворянских свобод больше зависело от доброй воли правящего монарха, чем от принятых когда-то законов. Впрочем, неформальное право монарха на произвол⁷ сдерживалось возможностью неформальных же методов дворянского протеста, как это было с Петром III и Павлом I (не зря говорили, что в России абсолютная монархия, «ограниченная удавкой»).

После эмансипации высшего сословия стало возможным дать свободу, похожую на западные образцы, и низшим сословиям.

Незавершенное «освобождение крестьян»

Освобождение крестьян от помещиков

В XVII–XVIII вв. в Пруссии, Польше, Чехии, Венгрии и России складывается своеобразная ситуация, когда развитие капиталистического уклада сопровождается параллельным усилением феодального крепостничества – «вторым изданием крепостного права». В погоне за средствами для модернизации экономики возрастает налоговое бремя, которое ложится на плечи тех поколений, которым

⁷ Проявлением этого права были, например, введенные при Николае I ограничения на поездки за границу, нарушавшие Жалованную грамоту Екатерины II.

выпало «счастье» жить в период интенсивного развития. Поскольку государство пытается решить возникшие экономические проблемы имеющимися под рукой традиционными средствами, то возникает тенденция превращения феодальной монополии на личность крепостного в монополию рабовладельческого типа, а феодальной монополии на землю – в монополию частной собственности на землю⁸. На этой основе развиваются особо острые формы кризиса феодализма, подготовившие необходимость проведения буржуазных аграрных реформ и решения аграрного вопроса.

В Европе к востоку от Эльбы, включая и Россию, возникает специфическая форма ренты, названная Б.Ф. Поршневым барщинно-крепостнической [*Поршнев* 1964], которая противоречиво соединила в себе черты двух видов ренты – отработочной и денежной. Если для отработочной ренты в Западной Европе была характерна работа крестьян на домениальной земле – парцеллах помещиков, расположенных чересполосно с крестьянскими наделами, то теперь барская земля была объединена в огромные поместья. В отличие от Средневековья крупными стали не только собственность феодалов, но и их производство, чего раньше никогда не было. Если в Западной Европе при денежной ренте связь с рынком осуществлялась через хозяйство крестьянина, то в России при барщинно-крепостнической ренте связь с рынком происходила через хозяйство помещика. В результате в рыночное хозяйство активно втягивался помещик, крестьянин же оставался отчужденным от него.

Российский крестьянин в XVIII в. оказался зависим трояким образом – от помещика, от общины и от государства. Решение задач копирующей модернизации должно было трансформировать эту архаичную зависимость в обычную взаимозависимость гражданина/подданного от государственной власти.

В промежутке от закрепостившего крестьян Соборного уложения 1649 г. до Манифеста о вольности дворянства 1762 г. крестьяне воспринимали свое положение как должное: дворяне непосредственно служат государству, а крестьяне служат «царю-батюшке» опосредованно, содержа дворян; община помогает выживать всем крестьянам сообща. Хотя русское крепостничество сравнивают с рабством в США XIX в.⁹, однако система взаимоотношений прикрепленных государством друг к другу дворян и крестьян отличалась в лучшую сторону от взаимоотношений южных плантаторов и их черных рабов. Как крестьянин содержал своего барина, так и барин «страховал» своих крестьян от неурожаев. Община не давала разбогатеть, но страховала от разорения.

Эта система, видимо, воспринималась обеими сторонами как относительно справедливая и экономически эффективная, но ситуация резко переменялась после эмансипации дворянства. Крестьяне не понимали, почему они должны содержать барина, который не служит, а живет в свое удовольствие. Если движения Болотникова, Булавина и Разина были почти исключительно казацкими, то в бунте Пугачева 1771–1773 гг. впервые возник призрак крестьянской «жакерии».

Дворяне к началу XIX в. тоже начали чувствовать неуместность «крепостного рабства» и из-за опасений новой «пугачевщины», и просто потому, что «перед Европой стыдно». Именно это желание стать «нормальными» европейцами, а не личные

⁸ Подробнее см.: [*Цаголов* 1949, с. 434].

⁹ См., например [*Супоницкая* 2000, с. 52–61].

экономические интересы, стало главной причиной восстания декабристов в 1825 г. – «мятежа реформаторов». Из-за его провала освобождение крестьян, как и ранее освобождение дворян, пошло по колее «революции сверху», которую правительство организовало по своим соображениям – когда считало нужным и как считало нужным¹⁰.

Первым шагом явился указ Александра I 1803 г. о вольных хлебопашцах, разрешающий помещикам освобождать крестьян вместе с землей. Энтузиастов-помещиков, готовых освобождать своих крестьян даром, не могло быть много, а из крестьян мало кто мог выкупить не только себя и семью, но еще и свою землю, поэтому этот указ оказался мертворожденным. Даже западники-декабристы, осуждая «крепостное рабство», не решались идти по миру ради высокой идеи, а в своих проектах будущих реформ планировали освобождать крепостных за крупный выкуп.

При Николае I подход к проблеме освобождения крепостных стал более систематичным. С одной стороны, эту проблему обсуждали разнообразные секретные комитеты, не принявшие ровным счетом никаких практических решений, но приучившие руководителей империи к тому, что проблема есть и когда-то ее все-таки придется решать. С другой стороны, правительство пыталось заранее выработать приемы прямого воздействия на крестьян, используя в качестве полигона государственных и удельных крестьян. По крайней мере, эксперимент с государственными крестьянами (они составляли более трети всех крестьян России) показал, что повышение экономической самостоятельности крестьян (раздача дополнительных земель, организация кредита, стимулирование образования) позволяет повышать их уровень жизни и, что самое главное, исправность выплаты налогов. Это был веский аргумент для правительства в пользу освобождения крестьян от крепостной зависимости.

Когда при Александре II правительство решилось на радикальную реформу, то проект Великой Реформы готовился четыре года (1857–1860 гг.) и представлял собой компромисс между взглядами либералов и консерваторов. Личную свободу от барина крестьяне получили сразу и бесплатно. Землю же предстояло выкупать в рассрочку в течение почти полувека. Сама реформа была принята таким образом, чтобы защищать в первую очередь интересы государства (для этого многие ее важные детали были прописаны нарочито расплывчато, чтобы именно правительственные чиновники могли «правильно» ее объяснить), затем интересы помещиков (для этого цена выкупаемой земли была установлена на 1/3 выше рыночной – тем самым фактически крестьянин платил не только за землю, но и за личную свободу) и лишь в последнюю очередь интересы крестьян.

Аграрная реформа в России протекала очень медленно. И первым этапом стало составление уставных грамот, деливших собственность между помещиком и его бывшими крепостными: грамоты выписывались землевладельцами и представляли собой контракт, одобренный независимыми мировыми посредниками и гарантировавший продолжение крестьянами выплат в форме труда или в денежной форме до тех пор, пока условия выкупа земли не будут определены окончательно. На втором этапе с землевладельцами заключались выкупные сделки, по которым земля выкупалась на средства государства; стоимость земли впоследствии возмещалась крестьянами в течении 49 лет из расчета капитализации по ставке 6%.

Конечно, крестьяне не поняли, почему «свою» землю они должны выкупать, и ответили на Манифест 19 февраля 1861 г. взрывом восстаний против «бар, ута-

¹⁰ Об организации отмены крепостного права см. [Лопов 1989, 1990].

ивших настоящий царский указ». И здесь Россия оказалась отличной от Европы: там крепостное право отменяли после народных возмущений, в России же народные возмущения разгорелись после отмены крепостного права. Такая «перевернутость» – типичная черта «реформы сверху», когда реформа становится результатом не столько требований граждан, сколько «милостью» правительства, которое «не совсем» удовлетворяет благодетельствованных.

Освобождение крестьян от общины

Что касается освобождения крестьян от власти общины, которая являлась докапиталистическим пережитком не в меньшей степени, чем власть помещиков, то это задача накануне Великой Реформы даже не была сколько-нибудь осознана. По условиям реформы 1861 г., крестьянин, получив свободу от помещика, не мог навсегда покинуть родную деревню, если только не находил на свой надел покупателя, согласного платить положенную (по принципу круговой поруки) долю податей. Уравнивание земли «по едокам» развивало чересполосицу, превращая землепользование отдельного крестьянского домохозяйства в совокупность полей и «лоскутков», разбросанных по разным краям общинного землевладения, что препятствовало совершенствованию агропроизводства.

Поскольку Россия осуществляла копирующую модернизацию, то осознавались и решались в первую очередь те проблемы, которые ранее были решены на Западе. Однако в Европе передельной общины, как в России, давно уже не было (возможно, не было никогда). Роль общинного землевладения европейскими обществоведами была еще изучена довольно слабо; многие (включая К. Маркса) считали, что наличие общины является не только архаичным пережитком, но и дополнительным шансом на прогрессивное развитие. Поэтому никто не мог «подсказать» отечественным реформаторам 1850–1860-х гг., что крестьянская община тоже тормозит социально-экономическое развитие. Понадобилось почти полвека, чтобы уже при П.А. Столыпине российские бюрократы (причем далеко не все) поняли, что воплощение в России западной идеи защиты прав частной собственности требует нетипичных для Запада мер.

Хотя после отмены крепостничества права собственности крестьян на землю были слабо специфицированы, однако появление даже таких прав имело большой эффект – крестьяне начали активно покупать землю. Из *таблицы 3* видно, что, несмотря на то, что царское правительство окончательно узаконило частное землевладение крестьян лишь в 1906 г., некоторые структурные сдвиги в этом направлении происходили еще до П.А. Столыпина. Хотя частное крестьянское землевладение до столыпинских реформ может показаться мизерным (даже в 1905 г. – всего лишь 6% всех земель), однако темпы его роста были весьма внушительными (с 1% до 6% – шестикратный рост!). Этому способствовала деятельность созданного министром финансов Н.Х. Бунге в 1881 г. Крестьянского Земельного Банка; он также увеличил косвенные налоги и сократил размеры прямого налогообложения, переведя тем самым часть налогового бремени с сельских жителей на горожан.

Правительственный курс на модернизацию поземельных отношений оставался, однако, неустойчивым, в режиме «тяни-толкай»: так, в последней четверти XIX в. для борьбы с голодом правительство принудительно ввело «общественную запашку», когда крестьян заставляли обрабатывать специальные наделы, урожаем с которых

использовался как страховой запас [Зырянов 1999]. Эта «общественная запашка» являлась прямым аналогом древнекитайской системы «цзинь тянь», института азиатского способа производства. А в 1893 г. с интервалом в полгода правительство сначала запретило переделы наделной земли до истечения минимального 12-летнего срока (это увеличивало спецификацию прав собственности крестьян), а затем ограничило возможности распоряжаться наделной землей – продавать ее лицам иных сословий или использовать как залог (что, наоборот, размывало права собственности).

Таблица 3. Распределение земли по типам собственности, % от совокупной площади обрабатываемых земель (Европейская часть России, 1877–1905 гг.)

Категории земельных участков	1877–1878 гг.		1905 г.	
	С учетом государственной земли	Без учета государственной земли	С учетом государственной земли	Без учета государственной земли
Государственная земля	45		39	
Негосударственная земля	55		61	
в т.ч. общинные крестьянские земельные наделы	31	56	34	56
в собственности частных лиц:	24	44	27	44
<i>дворянство</i>	19	35	15	24
<i>крестьяне</i>	1	2	6	10
<i>торговцы и промышленники</i>	3	5	4	7
<i>прочие</i>	1	2	2	3
Всего	100	100	100	100

Составлено по: [Antsiferov 1930, p. 20–21; Shanin 1985, vol. 1, p. 137].

Следующим важным шагом в деле освобождения крестьян стали законы, принятые в 1903 г., когда государство отказалось, наконец, от идеи коллективной ответственности за выплату налоговых и выкупных сборов.

Революция 1905–1906 гг. привела к массовой крестьянской «жакерии» – крестьяне жгли дворянские имения, требуя передела их земель. Хотя крестьянские бунты были подавлены, они привели к окончательной отмене выкупных платежей и началу новой экономико-правовой реформы.

Премьер-министр П.А. Столыпин (1906–1911 гг.) предпринял попытку радикальных реформ, подписав 9 ноября 1906 г. указ, оформленный впоследствии в качестве закона 14 июня 1910 г. По новому закону земли отдельного крестьянского домохозяйства можно было отделять от коллективного участка и огораживать. Эта реформа также проходила в два этапа: на первом происходило наделение правами собственности на землю глав домохозяйств, вторым этапом стало собственно землеустройство – создание отрубов и хуторов.

Столыпинская реформа подразумевала завершение освобождения крестьянства от внешнего контроля, однако ее успех во многом зависел от того, как крестьянскими домохозяйствами принималось предложение об огораживании земли –

благосклонно или «в штыхы». В ходе реформ деревня раскололась: наиболее инициативные крестьяне стремились освободиться от общины даже наперекор желанию односельчан, но большинство предпочитало сохранить общинный коллективизм, сдерживающий имущественную дифференциацию¹¹.

Оценить эффективность этой реформы очень трудно. Достоверно известно, что к 1916 г., несмотря на сопротивление оставшихся в общине односельчан, выделили свои участки 27% всех домохозяйств, закрепив в личную собственность 14% общинных земель. Однако сразу после Февральской революции 1917 г., еще до начала большевистских экспериментов, общинная собственность на землю была в большинстве регионов России немедленно восстановлена самими же крестьянами. Поэтому среди ученых продолжается спор, была ли столыпинская реформа изначально обречена на неудачу или для успеха ей просто не хватило времени.

Важно отметить, что самый бурный рост производства в аграрном секторе наблюдался до революции 1905 г., а стало быть, и до столыпинских реформ [Leonard 2003] (см. также [Туманов 1991]). Поэтому стимулирующее влияние усиления институтов частной собственности на аграрное производство остается (применительно к предреволюционной России), скорее, гипотезой, чем фактом.

Таким образом, можно сказать, что дореволюционная Россия значительно отставала от стран Западной Европы в создании институциональной базы для рыночного землепользования. На протяжении всей истории императорской России, даже к началу XX в., у сельскохозяйственных производителей не было четко определенных прав собственности¹². Для сравнения можно вспомнить, что в Западной Европе четкая система прав собственности на землю сложилась уже к XVII–XVIII вв., что способствовало развитию рынков, создавая необходимую инфраструктуру для торговли, а также укрепляя связи между городом и деревней¹³.

Успехи и границы аграрной модернизации

Проанализируем степень развития капитализма в крестьянских хозяйствах в последние десятилетия империи Романовых, когда уже должны были полностью проявляться позитивные последствия Великой Реформы.

«Развитие капитализма в России»: подход В.И. Ленина

Проблема «неукорененности» капитализма в агроэкономике была вполне четко осознана еще в конце XIX в., когда между российскими мыслителями кипели

¹¹ Американский экономист Д. Филд, исследуя, как и В.И. Ленин, данные земских переписей рубежа XIX–XX вв. по отдельным уездам Центральной России, видел эгалитарное влияние общины в том, что коэффициенты Джини распределения наделной земли (обычно порядка 0,3–0,4) почти во всех уездах были ниже коэффициентов Джини распределения лошадей (порядка 0,4–0,5). Дело в том, что различия в обеспечении тягловой силой зависели только от деятельности домохозяйств, в то время как дифференциация земельных наделов сдерживалась общинными переделами. См. [Филд 1992].

¹² Обзор вопросов, связанных с эволюцией прав собственности в России, см., например: [Нуреев, Рунов 2002].

¹³ См., например [North, Weingast 1989].

острые интеллектуальные баталии по поводу итогов и перспектив развития капитализма в России. Эти баталии известны в первую очередь по материалам монографии В.И. Ленина «Развитие капитализма в России», которую в советский период принято было считать главным итогом этой дискуссии.

В.И. Ленин обратил основное внимание на становление капитализма именно в аграрной сфере далеко не случайно: эта область действительно была наименее подверженной капиталистическому развитию и казалась экономистам-народникам подлинным оплотом «народного производства»; признавая развитие капитализма в промышленности, они отрицали его в сельском хозяйстве. В.И. Ленин же стремился показать, что именно крестьянское товарное производство представляет наиболее глубокую основу для становления и развития капитализма.

Анализ молодого марксиста показал (таблица 4), что зажиточное крестьянство, оставлявшее в среднем чуть более четверти населения, располагало тремя четвертями купчей земли, 60% арендованной; оно имело в пользовании 43% всей земли, почти половину общего посева, рабочего скота и торгово-промышленных заведений. К тому же на зажиточное крестьянство приходилось почти 2/3 общего числа дворов с батраками и 4/5 дворов с улучшенными орудиями труда. Эти хозяйства почти не прибегали к внешним заработкам и не сдавали земли.

Таблица 4. Дифференциация крестьянских хозяйств (по В.И. Ленину)

Критерии дифференциации	Зажиточное крестьянство	Неимущее крестьянство
Доля дворов, %	20	50
Доля в населении, %	28	39
<i>Характеристики превращения крестьянина в сельского предпринимателя</i>		
Доля в купчей земле, %	75	10
Доля в арендованной земле, %	60	12
Доля в землепользовании, %	43	25
Доля в посевах, %	47	21
Доля в рабочем скоте, %	47	19
Доля в дворах с батраками, %	63	11
Доля в дворах с торгово-промышленными заведениями, %	47	22
Доля в дворах с улучшенными орудиями труда, %	80	3
<i>Характеристики превращения крестьянина в сельского наемного рабочего</i>		
Доля в земле, сдаваемой в аренду, %	6	79
Доля в дворах с работниками, уходящими на заработки, %	11	68

Составлено по: [Ленин т. 3, с. 127–131, диаграмма-вклейка].

В отличие от зажиточного, неимущее крестьянство (39% населения) составляло очень скромную долю в покупке (10%) и аренде (12%) земли; на неимущее крестьянство приходилось лишь четверть действительного земледелия, пятая часть посевов и рабочего скота; именно эта группа крестьян выступала в качестве

главного сдатчика земли в аренду (79%); они практически не применяли улучшенных орудий труда; две трети дворов неимущего крестьянства имели работников, уходящих на заработки [Ленин т. 3, с. 127–131].

Так называемый уравнительный порядок распределения податей внутри общины на самом деле служил обогащению зажиточного крестьянства: «чем обстоятельнее крестьянство, тем меньшую долю составляют подати ко всему его расходу» [Ленин т. 3, с. 148]. Это происходило потому, что крестьяне делили подати по земле, однако распределение наделной земли не учитывало в полной мере дифференциацию крестьянства. При таких условиях распределение податей по наделной земле неизбежно вело к переложению налогов с зажиточного крестьянства на крестьянскую бедноту. «Община (то есть круговая порука и отсутствие права отказа от земли), – писал В.И. Ленин, – становится все более и более вредной для крестьянской бедноты» [Ленин т. 3, с. 149].

В результате В.И. Ленин пришел к выводу, что «...русское общинное крестьянство – не антагонист капитализму, а, напротив, самая глубокая, самая прочная основа его» [Ленин т. 3, с. 165]. Конечно, это было преувеличением, забеганием вперед, стремлением выдать желаемое за действительное.

Критика подхода В.И. Ленина

Согласно В.И. Ленину, внутренние противоречия функционирования крестьянства приводили его к расслоению, сущность которого – создание новых типов сельского населения – сельской буржуазии, достигавшей, по мнению В.И. Ленина, 30% населения (!), и сельского пролетариата, «класса наемных рабочих с наделом», составлявшего, по оценке В.И. Ленина, почти столько же, сколько и буржуазия, – 40% населения [Ленин т. 3, с. 169, 170]. Делая вывод, что-де «крестьянская буржуазия есть господин современной деревни» [Ленин т. 3, с. 179], будущий вождь пролетарской революции определенно потерял чувство меры. Какой была «буржуазия» в российской деревне конца XIX в. свидетельствует уже тот факт, что на каждого такого «буржуя» приходилось в среднем 1,33 наемных рабочих! Можно было, конечно, «уточнить», что «сельская буржуазия» – это мелкая буржуазия. Но не слишком ли она мелкая? Может быть, корректнее признать, что она «не совсем» буржуазия?

Рациональным зерном ленинской интерпретации развития крестьянских хозяйств является то, что крестьянство все сильнее втягивалось в рыночные отношения. В.И. Ленин сделал вывод, что пореформенное русское крестьянство уже вовлечено в товарное производство и зависит от рынка и по линии потребления, и по линии производства, и в связи с необходимостью уплаты податей. Выборочное исследование крестьянских бюджетов Воронежской губернии показало в частности, что процент денежной части во всех группах крестьянства не ниже 40%, а в крайних группах – свыше 50% (у безлошадных 55–57%, у многолошадных – 59–60%) [Ленин т. 3, с. 146]. И это – в средней черноземной полосе, где денежное хозяйство развито слабее, чем в промышленных районах и на степных окраинах России.

«Буржуазия» и «пролетариат», действительно, сильнее втянуты в товарно-денежные отношения, чем среднее крестьянство, для которого типично наименьшее развитие товарного производства. Поэтому можно согласиться с выводом, что

«разложение крестьянства создает внутренний рынок для капитализма» [Ленин т. 3, с. 174]. Неимущее крестьянство способствует развитию рынка, предьявляя спрос на предметы личного потребления. Эта группа хозяйств меньше, чем среднее крестьянство, потребляет, но больше покупает. У зажиточного крестьянства связь с рынком осуществляется и по линии производства (покупка средств производства и рабочей силы), и по линии потребления (расширение потребностей). Это означало, что разложение крестьянства увеличивает рынок и за счет производительного, и за счет личного потребления. Таким образом, В.И. Ленину принадлежит честь открытия механизма увеличения степени зависимости от рынка различных типов хозяйств в процессе разложения крестьянства.

Однако В.И. Ленин не заметил, что *включение крестьянства в товарно-денежные отношения отнюдь не тождественно развитию капитализма в деревне*. Даже если бы все крестьяне стали активными и добровольными участниками рынка, это не обязательно привело к развитию капиталистической организации агропроизводства с использованием наемного труда (позже эта ошибка была повторена в СССР в период «раскулачивания»).

Второй недостаток ленинского подхода – это невнимание к проблеме *принудительной товаризации*. Монетизация крестьянских бюджетов объяснялась не только стремлением крестьян покупать «городские» товары и работать за плату, но и банальной необходимостью платить ненавистные государственные налоги. Если бы не было фискального прессы, связи крестьян с рынком были бы гораздо слабее¹⁴.

Третий недостаток связан с тем, что, стремясь доказать разложение крестьянства, В.И. Ленин в тот период сильно *преувеличивал степень дифференциации крестьянских хозяйств*. Отчасти это было связано с недостатком статистических данных, отчасти – с предвзятостью исследователя, который в силу приверженности марксистской идеологии очень желал, чтобы в России был мало-мальски зрелый капитализм, позволяющий готовить социалистическую революцию.

Четвертый недостаток ленинской концепции связан с *недооценкой региональной дифференциации развития капитализма в сельском хозяйстве*. Спрос на рабочую силу в губерниях с более высоким развитием капитализма способствовал развитию миграции земледельческого населения. В.И. Ленин отметил, что главным районом прихода были южные и восточные окраины европейской России, а главным районом выхода – средние черноземные губернии, то есть миграция осуществлялась «...из местностей, в которых всего сильнее развито крепостное право, в местности, где оно было всего слабее, – из местностей с наибольшим развитием обработков в местности... высокого развития капитализма» [Ленин т. 3, с. 233]. Однако Ленин не сделал отсюда напрашивающегося вывода, что развитие капитализма в России фактически носило окраинный характер: капитализм развивали, прежде всего, немецкие колонисты в Новороссии и в Поволжье и, наоборот, для центральной России типичным являлось экс-крепостное хозяйство, связанное с рынком гораздо слабее.

¹⁴ Принудительный характер товаризации проявлялся, в частности, в парадоксальном сочетании крестьянского голода (как, например, в 1891–1892 гг.) и высокого объема экспорта хлеба, порядка 40% всего товарного хлеба (по принципу «недоедим, но вывезем»). Если бы продажа хлеба была личной инициативой крестьян, они бы в неурожайный год отказывались от продаж, однако для уплаты налогов крестьянам приходилось продавать хлеб даже под угрозой голода.

Пятый недостаток ленинской концепции связан с недооценкой неотрадиционных форм буржуазной аграрной эволюции, возникших в связи с сохранением помещичьих латифундий. Только после революции 1905 г. В.И. Ленин сделал вывод о том, что «крупное капиталистическое земледелие стоит в чисто русских губерниях безусловно на заднем плане. Преобладает мелкая культура на крупных латифундиях: различные формы крепостническо-кабальной аренды, отработочного (барщинного) хозяйства, “зимней наемки”, кабалы за потравы, кабалы за отрезки и так далее без конца» [Ленин т. 16, с. 201]. Поэтому народнические теории периода первой русской революции, ратовавшие за «трудовое начало» и «уравнительность», объективно выражали протест трудового крестьянства против экс-крепостнических латифундий (но отнюдь не желание объединяться в социалистические коммуны) и в большей мере отражали переходный характер экономики России, чем ленинская работа.

В конце XIX в. В.И. Ленин так и не смог прийти к объективному выводу об ограниченности капиталистической модернизации российской агроэкономики. Однако ему пришлось позже вернуться к этому вопросу – уже не как теоретику-экономисту, а как практическому политику. Когда началась революция 1917 г. и вопрос о социально-классовой сущности крестьянства перешел для большевиков в практическую плоскость, их взгляды сильно эволюционировали в сторону признания докапиталистических черт крестьянства.

«Развитие капитализма в России»: подход А.В. Чаянова

Еще в 1980-е гг. исследователи обратили внимание на то, что последние работы В.И. Ленина, посвященные «строю цивилизованных кооператоров», были написаны под явным влиянием идей крестьяноведа-народника А.В. Чаянова. В наши дни при анализе агроэкономики стран догоняющего развития чаще всего используют именно чаяновскую концепцию трудового крестьянского хозяйства, а не ленинскую теорию дифференциации крестьян на пролетариев и буржуазию. Тем самым фактически признается, что дореволюционное русское крестьянство имело больше общего с сельским населением отстающих стран «третьего мира», чем с фермерами европейского типа.

В своей концепции семейно-трудового крестьянского хозяйства А.В. Чаянов рассматривал взаимоотношения крестьянского хозяйства с окружающей средой и пришел к выводу, что для него свойственны особые закономерности, отличающиеся от деятельности капиталистической фирмы. Главная задача крестьянина – не максимизация прибыли, а удовлетворение потребностей членов семьи. Соответственно, цель производства в крестьянском хозяйстве – это потребление, но не накопление. В своей книге «Организация крестьянского хозяйства» он доказал, что крестьянство стремится к увеличению валового дохода, а не к получению максимальной прибыли. Для объяснения хозяйственного поведения крестьян Чаянов использовал модель равновесия предельных выгод и предельных издержек, предложенную экономистами-неоклассиками. «...Мы можем установить, – писал он, – что степень самоэксплуатации [крестьянского] труда устанавливается некоторым соотношением между мерой удовлетворения потребностей и мерой тягости труда» [Чаянов 1989, с. 244].

Большой вклад Чаянов внес – и это наиболее важно для анализа развития капитализма в агроэкономике императорской России! – в анализ дифференциации крестьянства. По его мнению, из-за демографических факторов уровень жизни крестьянской семьи меняется волнообразно: так, в недавно образовавшейся молодой семье (муж, жена, малолетние дети) соотношение едоков и работников крайне неблагоприятно. Через некоторое время дети становятся полноценными работниками, в результате чего число едоков совпадает с числом работников. Это – самый благоприятный период в жизни крестьянской семьи: без применения наемного труда растут площади посевов, объем собираемой продукции, возрастают доходы, а расходы на бытовые нужды (жилье, отопление и др.) остаются прежними. Когда у второго поколения рождаются дети, то происходит распад большой семьи на молодые семьи. Соотношение едоков и работников снова изменяется, сокращается подушный посев, снижается и уровень потребления.

Отсюда Чаянов сделал вывод, что имущественная дифференциация крестьянских хозяйств в основном не носит социального характера. Он считал, что распространенная среди марксистов схема трех классов (кулак, середняк, бедняк) слишком груба, так как сводит в одну кулацкую группу не только капиталистические, но и крепкие крестьянские хозяйства, использующие труд преимущественно членов своей семьи. В противовес этой ложной схеме Чаянов приводил свою, более дробную классификацию, включающую шесть типов хозяйств:

- 1) капиталистическое;
- 2) полутрудовое;
- 3) зажиточное или семейно-трудовое;
- 4) бедняцкое;
- 5) полупролетарское;
- 6) пролетарское.

Основная масса крестьянских хозяйств в России, по его мнению, была представлена хозяйствами 2–4-го типов. Что касается характерных для «чистого» капитализма хозяйств 1-го, 5-го и 6-го типов, то они и в царской, и в Советской России составляли явное меньшинство и не определяли «лица» деревни. Схожую – некапиталистическую – форму имеет дифференциация крестьянских хозяйств и в современных странах «третьего мира».

С точки зрения чаяновской концепции можно объяснить и ленинские данные о дифференциации крестьян. Если взглянуть на данные В.И. Ленина о дифференциации крестьянских хозяйств на зажиточные и неимущие (*таблица 4*), то легко заметить, что у первых доля в населении заметно выше доли дворов (28% и 20%), а у вторых, наоборот, доля в населении много ниже доли дворов (50% и 39%). Таким образом, В.И. Ленин действительно охарактеризовал дифференциацию крестьянских хозяйств, но не столько на буржуазию и пролетариат, сколько на много- и малосемейных.

Если А.В. Чаянов был ближе к пониманию крестьянской экономики России начала XX в., чем В.И. Ленин и другие марксисты, то значит ли это, что российская деревня при Романовых вообще никак не модернизировалась? Такой вывод был бы некорректным.

Данные о долгосрочной динамике имущественной дифференциации крестьянских хозяйств (*таблица 5*) показывают, что в последние полвека императорской России она выросла очень резко, «скачком». Если в дореформенной России главной фигурой был середняк, то после Великой Реформы самой многочислен-

ной группой действительно стали бедные крестьяне, однако именно скорость изменений и являлась главной причиной их неустойчивости. Крестьянская хозяйственная ментальность продолжала оставаться середняцкой. Бедняки, получавшие все большую долю доходов не от своего надела, а от продажи рабочих рук, воспринимали эту ситуацию как временную аномалию. И как только государственная власть ослабла, в 1917 г. крестьяне провели долгожданный «черный передел», восстановив преобладание середняцких хозяйств.

Таблица 5. Имущественная дифференциация крестьянства в России XV–XX вв.

Доли крестьянских хозяйств, %	Доли крестьянских хозяйств, %		
	богатые	средние	бедные
1495–1505 гг.*	15	53	32
1650–1750 гг.*	15	53	32
1751–1800 гг.*	10	48	42
1801–1860 гг.*	23	53	24
1912 г.	6	30	64

* По выборочным данным. Составлено по: [Миронов 1978, с. 113] (данные за XV–XIX вв.); [Ковальченко 1991, с. 68] (данные за 1912 г.).

Успехи и границы промышленной модернизации

Россия – четвертая крупнейшая промышленная держава

Если дворяне и крестьяне императорской России были прямыми преемниками средневековых сословий, то промышленная буржуазия и пролетариат рождались едва ли не с «нуля», поскольку в средневековой Руси мало-мальски крупного и влиятельного «третьего сословия» по существу не было.

Первые мануфактуры появились в России лишь на столетие позже, чем в Великобритании (в XVII в.), первые фабрики – почти одновременно с Великобританией (в начале XIX в.). Однако социальные механизмы их организации были принципиально разными: английская индустрия всецело базировалась на наемном труде, российская активно использовала труд крепостных. Более того, в XVIII в. антибуржуазный характер российской промышленности даже усилился: при Петре I все фабрики и заводы были объявлены посессионными, казенными (это был первый в России опыт национализации промышленности), а в 1743 г. всех наемных работников сделали крепостными своих работодателей. В Европе таких фабрик с приписанными работниками принципиально не могло быть, поскольку их существование шло вразрез с принципами рынка труда.

О качественном отличии институциональных условий развития российского предпринимательства от европейской «нормы» свидетельствует судьба первых предпринимательских династий России – знаменитых Строгановых и Демидовых.

В Западной Европе Нового времени (особенно, в Англии и Германии) происходило «обуржуазивание» дворянства. В России, наоборот, первые крупные предприниматели «одворянились», став титулованной знатью и совершенно прекратив (как Строгановы) или почти перестав (как Демидовы) заниматься бизнесом. В Европе подобные трансформации происходили только в отстающих странах, подвергшихся рефеодализации (Медичи в Италии, Фуггеры в Германии). Судьба баронов/графов Строгановых и князей Сен-Донато (Демидовых) показывает, что даже в XIX в. занятие бизнесом считалось в России менее престижным, чем аристократическое безделье.

Освобождение промышленности от «азиатских» институтов происходило медленно. Лишь в 1863 г., через два года после освобождения крестьян, правительство признало посессионные фабрики частной собственностью фабрикантов, а приписанных к ним крестьян – свободными обывателями. В своем последующем развитии российский бизнес постепенно сближался с западноевропейским, однако сохранял зависимость от государства. Даже в начале XX в., когда начал складываться «большой бизнес» (синдикаты), российский «государственно-монополистический капитализм» сильно зависел от государственной протекции. Монопольные союзы юридически были запрещены, но, как и в начале XXI в., благосклонность «начальства» помогала преодолеть формально-нелегальное положение монопольных объединений.

Тем не менее последние четыре десятилетия царского режима в России, когда стали проявляться долгосрочные последствия Великой Реформы, ознаменовались ускорением роста в промышленности и сельском хозяйстве. Структурные изменения в экономике обусловили возможность перемещения избыточной рабочей силы из аграрного сектора в сферу промышленного производства. С увеличением производительности труда рос и среднедушевой ВВП, однако заметно медленнее, чем в развитых странах.

На протяжении XVIII–XIX вв. усиливалось отставание России по среднедушевым показателям от развитых стран (Великобритании, Франции, Германии и США), хотя значительно увеличивалось преимущество по сравнению с Индией и Китаем. Но по общему объему ВВП России был не ниже уровня развитых стран (за исключением США), так как наша страна заметно превосходила многие развитые страны по населению (*таблица 6*).

Таблица 6. ВВП России по отношению к ВВП главных стран мира (в %)

Соотношения	ВВП в целом			ВВП на душу населения		
	1700 г.	1820 г.	1913 г.	1700 г.	1820 г.	1913 г.
Россия/США	3078,2	301,0	44,9	116,0	54,8	28,1
Россия /Китай	19,6	16,5	96,3	101,8	114,8	269,6
Россия/Индия	17,7	33,8	113,8	90,0	129,3	221,1
Россия/Япония	105,2	182,1	324,1	107,2	103,0	107,3
Россия/Франция	76,4	98,2	160,8	62,0	56,0	42,6
Россия/Великобритания	151,4	104,1	103,5	48,9	40,9	30,2
Россия/Германия	120,9	143,3	97,9	68,3	65,1	40,8
Россия/Италия	111,0	167,6	243,0	55,6	61,7	68,0

Источник: [Maddison 2001, p. 261, 264] (расчет; Россия в границах бывшего СССР).

К началу XX в. Россия стала четвертой крупнейшей промышленной державой, оказавшись по валовым (но не по среднедушевым) показателям в одном ряду с такими странами как Великобритания и Германия [Gregory 1982, с. 154]. Средний годовой темп роста за период 1850–1914 гг. превышал аналогичные показатели для Западной Европы, США и Японии. В частности, в России темп роста среднедушевого дохода составил 1,65% в год, в то время как в США он был равен 1,6% [Gregory 1982, p. 162].

Таблица 7 содержит данные об изменении структуры ВВП в период бурного роста в основных странах, проводивших модернизацию экономики.

Таблица 7. Структурные изменения в начале периода «нового роста» в разных странах мира

Страна	Даты начала периода	Национальный доход (долл. на душу) на начало периода	Структура ВВП, %								
			(A) Сельское хозяйство			(B) Промышленность			(C) Сфера услуг		
			На начало периода (1)	Через 30 лет (2)	(1-2)	На начало периода (1)	Через 30 лет (2)	(1-2)	На начало периода (1)	Через 30 лет (2)	(1-2)
Великобритания	1786–1785	227	45	32	-13	35	40	+5	20	28	+8
Франция	1831–1840	242	50	45	-5	32	35	+3	18	20	+8
США	1834–1843	474	45	33	-14	24	39	+15	31	31	+0
Германия	1850–1859	302	32	23	-9	33	43	+10	35	24	-1
Швеция	1861–1869	215	39	36	-3	17	33	+16	44	31	-13
Япония	1874–1879	74	63	39	-24	16	31	+15	21	31	+10
Россия	1883–1887	260	57	51	-6	24	32	+8	20	17	-3
Италия	1895–1899	271	47	36	-11	20	21	+1	25	28	+3

Источник: [Gregory 1994, p. 28].

Хотя процесс модернизации многомерен, одним из важнейших индикаторов, с помощью которого его можно анализировать, является соотношение темпов роста занятости в промышленности и населения в целом. Для России данный период характеризовался ускоренным ростом населения, выросшим с 1,1% в год в период с 1861–1863 гг. по 1881–1883 гг. до 1,6% в период с 1881–1883 гг. до 1909–1913 гг., а темпы прироста промышленной рабочей силы были еще выше – 1,9% и 1,7% в первый и второй периоды соответственно.

Середина 1880-х гг. ознаменовалась также высокими темпами расширения промышленности. Как видно из таблицы 7, в целом, несмотря на периоды спадов,

в этом секторе был отмечен значительный подъем: самый бурный рост наблюдался в периоды 1896–1899 гг. и 1909–1913 гг.: объемы добычи угля поднялись за период с 1870 по 1897 гг. в 25 раз, нефти – в 200 раз; совокупная протяженность железнодорожных путей удвоилась, а приток иностранного капитала повсеместно способствовал развитию новых отраслей промышленности.

Можно сказать, что императорская Россия в последние десятилетия развивалась по разработанной в 1950-е гг. модели английского экономиста, лауреата Нобелевской премии А. Льюиса, построенной для развивающихся стран с дуалистической экономикой и с избыточным предложением трудовых ресурсов в традиционном секторе¹⁵. Согласно этой модели, заработная плата в традиционном сельском хозяйстве была много ниже уровня оплаты в современном промышленном секторе, а предельная производительность труда в сельском хозяйстве падала до нуля. Это приводило к миграции из деревни в город – происходило перераспределение трудовых ресурсов из традиционного аграрного сектора в современный промышленный сектор, где наиболее ускоренно развивались трудоемкие отрасли. Именно так и происходило в императорской России.

Таким образом, можно констатировать, что темп роста производства в целом в дореволюционной России был заметным и ускоряющимся – не ниже по сравнению с другими странами, осуществляющими модернизацию. Что касается подъема сельскохозяйственной или промышленной производительности в России, то он представлялся не более ограниченным, чем в других странах. К революции 1917 г., которая свергла царский режим и привела в конечном счете к власти большевиков, казалось, что экономика прочно встала на путь модернизации, хотя рецессии и нестабильность были еще привычными чертами состояния макроэкономики¹⁶.

Почему же догоняющее развитие императорской России закончилось катастрофическим срывом, перечеркнувшим десятилетия реформ, направленных на переход от системы власти-собственности к «нормальной» частной собственности? Многие полагают, что эффективный курс социально-экономического развития России был сломан чисто политическим кризисом, вызванным главным образом неудачами в Первой мировой войне. Но не было ли и институциональных социально-экономических предпосылок этой катастрофы?

Промышленный сектор экономики правомерно рассматривался российскими экономистами конца XIX в. как основной «локомотив» капиталистического развития. Главный вопрос заключался в том, сможет ли этот «локомотив» вытянуть весь «состав». Ведь даже в 1913 г. городское население, наиболее тесно связанное с капиталистическим промышленным производством, составляло менее 1/5 населения Европейской России (*таблица 8*).

¹⁵ Подробную характеристику этой модели см. [Нуреев 2001, с. 40–62].

¹⁶ Такова, например, позиция американского экономиста-историка П. Грегори: «Очень трудно вообразить ситуацию, когда территория бывшей Российской империи не была бы сегодня мировой экономической державой, обеспечивающей своим гражданам жизненные стандарты, близкие европейским. С этой точки зрения, можно оценить масштаб трагедии, вызванной экспериментами административно-командной экономики, приведшим к огромным потерям в экономическом благосостоянии более чем трех поколений ее граждан» [Грегори 2003, с. 85]. Схожую позицию занимает Б.Н. Миронов, ведущий российский специалист по социально-экономической истории императорской России [Миронов 2003; Миронов 2012].

Таблица 8. Динамика социальной структуры Европейской России (без Польши и Финляндии), в %

Основные социальные группы	1678 г.	1762 г.	1858 г.	1913 г.
Дворяне	1,7	1,0 (в 1782 г.)	1,5	1,5
Крестьянство	88,7	91,6	82,6	80,2
Городское сословие	4,2	2,8	7,3	17,6

Составлено по [Миронов 2003, т. 1, с. 130].

Парадоксы «традиционного предпринимательства»

«Чтобы сломать барьеры застоя в отсталой стране, чтобы воспламенить воображение людей и направить их энергию на службу экономическому развитию, – писал А. Гершенкрон, – требуется более сильнодействующее средство, чем обещание лучшей аллокации ресурсов или даже более низких цен на хлеб. При таких условиях даже бизнесменам, даже классическим предпринимателям – рискующим и осуществляющим инновации – требуются более сильные стимулы, чем перспективы высоких прибылей» [Гершенкрон 2004, с. 442]. В модернизирующейся России XVIII–XIX вв. таким «сильным стимулом», по мнению многих исследователей, стало старообрядчество, роль которого в России сравнивают с протестантизмом в Западной Европе.

Действительно, доля представителей этого конфессионального меньшинства среди предпринимателей резко превышала их долю в населении; особую значимость деятельность старообрядцев представляла для текстильной промышленности в период с 1764 г., когда по указу Екатерины II старообрядцы получили официальный статус, и примерно до 1860-х гг., когда старообрядческое предпринимательство начало терять значение. Учитывая, что именно текстильная промышленность была во многом «локомотивом роста» российской экономики в течение первых двух третей XIX в., можно сделать вывод об исключительности вклада старообрядцев в экономическое развитие дореформенной России.

В то же время между «протестантским капитализмом» на Западе и «староверческим капитализмом» в России наблюдались качественные различия. Современный российский историк-экономист Д.Е. Расков описал их следующим образом: «Старообрядческий тип организации был более органичен для традиционного капитализма, который строился на репутации, личных отношениях, семейных и корпоративных связях. Современный капитализм, с его безличным типом отношений, уже был чужд ревнителям буквы и старины» [Расков 2012, с. 135]. Опираясь на идеи К. Поланьи, «традиционный капитализм» можно охарактеризовать как такую систему предпринимательства (рискованной деятельности ради денежной выгоды), где конкуренция носит в основном внерыночный характер, а рыночная конкуренция (совершенствование качества и снижение цены товара общедоступными методами) играет второстепенную роль. Это тот самый институт, который К. Маркс в 36-й главе третьего тома «Капитала» отнес к «допотопным формам капитала» [Маркс, Энгельс, т. 25, ч. II, с. 142].

В докапиталистических обществах «торгаши» рассматривались обычно как люди с двойственным статусом: с одной стороны, они могли обладать изрядным денежным богатством и вызывать зависть окружающих, с другой стороны, их социальный статус был низок – нищий идалго свысока глядел на богатого купца. Правители рассматривали их как «полезное зло» – обкладывали высокими налогами и временами экспроприировали «неправедное» богатство. В царской России приниженное положение предпринимателей сохранялось по меньшей мере до середины XIX в.

Осваивая доставшуюся социальную нишу, девиантная социальная группа, ставшая предпринимательским меньшинством, волей-неволей культивировала определенные неформальные «правила игры» для своих членов. Речь идет о таких институтах, которые обычно вызывают у исследователей «старообрядческого капитализма» едва ли не восторг, – трудолюбие, доверие и т.д.

Для правильной оценки этих добродетелей надо помнить, что речь идет о «не совсем» капиталистическом обществе. В этом обществе конкуренция трактуется как игра с нулевой суммой (выигрыш одних есть проигрыш других) и господствует настроженное (в лучшем случае) отношение к институциональным инновациям. С этой точки зрения становится видна неприглядная оборотная сторона «буржуазных» добродетелей в «не совсем» буржуазном обществе (таблица 9).

Таблица 9. Социальные нормы предпринимательских меньшинств (на примере староверов)

Социальные нормы	Преимущества для представителей меньшинства	Недостатки для представителей большинства
Трудолюбие	Высокая производительность, самоорганизация	Снижение норм оплаты труда
Доверие к «своим»	Беспроцентный кредит, доступность рабочей силы, возможность заменить закон нормами	Конкурентные экономические преимущества «чужих» предпринимателей
Общинность	Тесные экономические связи, низкие издержки принуждения, высокие возможности для лоббирования своих интересов	Конкурентные экономические и внеэкономические преимущества «чужих» предпринимателей

«Вредность» трудолюбия в обществе с доминированием редистрибуции (административного перераспределения) можно проиллюстрировать аналогией: когда в Советской России началось стахановское движение, то коллеги по работе нередко подвергали оскорблениям и даже побоям ударников труда: ведь трудовозмездие стахановцев приводило к тому, что ударникам значительно повышали оплату, а обычным работникам снижали расценки. Соответственно, в предкапиталистических обществах появление какой-то социальной группы, демонстрирующей повышенное профессиональное трудолюбие, приводило к сокращению доходов у других социальных групп, связанных с этими же профессиями.

Высокий уровень доверия не вообще ко всем, а именно к «своим», давал предпринимателям-староверам (и только им) дополнительное конкурентное преимущество. В качестве примера можно вспомнить описанную Л.А. Исаковым си-

туацию, когда заводчик-старообрядец мог после экономического кризиса восстановить производство за неделю, а его конкурент – за год [Исаков 2012]. Но если бы обычный российский предприниматель XIX в. попытался использовать в общении со своими работниками те же методы «человеческих отношений», что и предприниматель-старообрядец, то результат вряд ли оказался бы удачным. Ведь речь идет о преимуществах не личной морали, а групповых норм поведения, обусловленных членством в девиантной социальной группе.

Общинный коллективизм староверов являлся, может быть, наиболее важным их преимуществом. Эта ситуация хорошо знакома специалистам по современной политической экономии, которые изучают, как концентрированный интерес немногочисленных групп со специальными интересами может одерживать верх над расплывленным интересом большинства¹⁷. В условиях высокой институциональной коррупции, типичной для дореформенной России, общинность существенно облегчала староверам возможность в той или иной форме подкупать царских чиновников. Скажем, при описании торговой деятельности Выговской пустыни в первой четверти XVIII в. отмечают: «Для защиты общины от преследований значительные средства и силы шли на подкуп и оказание услуг сильным мира сего» [Расков 2012, с. 153]. Естественно, коррумпированные чиновники обеспечивали предпринимателям-старообрядцам определенные преимущества перед обычными предпринимателями¹⁸.

Итак, то, что являлось выигрышем для предпринимательских меньшинств, оборачивалось оппортунистическим поведением по отношению к обычным подданным. Оппортунизм предпринимательских меньшинств проявлялся в том, что они создавали для себя такие «правила игры», которые невозможны для других: старовер или иудей может получить беспроцентный кредит, а «обычный» православный не может; староверы обязаны жить скромно, а зажиточный православный должен нести существенные представительские расходы; предпринимателям из старообрядцев и иудеев легче «вскладчину» подкупать местных администраторов и т.д. Уклоняясь от общепринятых «правил игры», предпринимательские меньшинства вытесняли обычных подданных из прибыльных сфер деятельности. Конечно, такой рентаискательский «хозяйственный стиль» не ускорял, а скорее, замедлял формирование в стране капиталистического способа производства.

Сопоставления российского Раскола XVII в. с западноевропейской Реформацией XVI в. помогает лучше понять, в какой степени деятельность предпринимателей-староверов (и шире – деятельность этноконфессиональных торговых меньшинств) способствовала развитию капитализма в России. Хотя Реформацию XVI в. часто трактуют (с легкой руки М. Вебера) как переломное событие мировой истории, которое породило качественно новую предпринимательскую этику, ставшую духом капитализма, однако современные исследователи все чаще проявляют к идеям Вебера определенный скептицизм. Давно замечено¹⁹, что были протестантские страны, которые отнюдь не демонстрировали успешного буржуазного развития (Шотландия, скандинавские государства), и, наоборот, были католические страны с бурным развитием капитализма (Бельгия). Широкой популярностью

¹⁷ См., например [Нуреев 2005, гл. 9 (9.2)].

¹⁸ См., например [Расков 2012, с. 96–97].

¹⁹ См., например [Оссовская 1987].

начинает пользоваться мнение, что развитие «духа капитализма» у протестантов было связано не столько с протестантской хозяйственной этикой (моральным оправданием богатства), сколько с развитием личной ответственности²⁰ и широким распространением грамотности²¹. У старообрядцев из всех детерминант «духа капитализма» обнаруживается только распространение грамотности. Реабилитация богатства и индивидуализация веры являлись в рамках старообрядчества лишь периферийными тенденциями, не типичными для большинства староверов. Поэтому старообрядческое предпринимательство осталось в основном феноменом «традиционного капитализма» – предкапиталистического (в лучшем случае – раннекапиталистического) предпринимательства.

Итоги имперской модернизации

Капитализм, но «среднеслабый»

Подводя итоги анализу успехов и провалов России в догоняющем развитии, следует в целом согласиться с ленинским определением российского капитализма начала XX в. как «среднеслабого». Хотя это выражение нередко используется отечественными обществоведами, оно никогда специально не комментировалось. Даже не вполне понятно, трактовать ли его как «слабого среди средних» или «среднего среди слабых». Для правильного понимания этой оценки попробуем представить себе всю шкалу возможных градаций развития капитализма в разных странах мира в начале XX в., как ее видели современники (и В.И. Ленин в том числе).

Странами «сильного» развития капитализма считали, конечно, лидеров мир-экономики того времени: Великобританию, Германию, США; в эту же группу относили и развитые мелкие государства типа Швейцарии и Голландии. К странам «среднего» уровня причисляли, очевидно, полупериферийные государства – Японию, скандинавские страны, Испанию, Португалию, Грецию. К группе же стран «слабого» уровня, скорее всего, относили откровенно периферийные страны – Латинскую Америку, Турцию, Египет.

В таком контексте Россию по уровню социально-экономического развития следует считать «слабой среди средних»: хуже Японии (от которой она потерпела поражение в войне 1904–1905 гг.) или Швеции, но лучше Турции (в войнах с которой всегда выходила победителем) или какого-нибудь Парагвая. Одним словом, дореволюционная Россия – это своего рода «большая-пребольшая Испания» (которую тоже, как и Россию, ждало в первой половине XX в. свержение монархии и ожесточенная гражданская война).

Можно ли теперь говорить, что за два столетия (начиная от петровских реформ) догоняющего развития Россия смогла повысить свой статус? Возможно, но не очевидно. И в начале XVIII в., и в начале XX в. Россию не считали «нормальной Европой», а с точки зрения военного и политического потенциала, пожалуй, произошло даже понижение.

²⁰ Речь идет о том феномене, который удачно назван А. Глинчиковой «индивидуализацией веры» [Глинчикова 2008].

²¹ См., например [Коротаев, Малков, Халтурина 2007, с. 95–100].

Для понимания динамики места России в «контексте» европейских держав вспомним основные вехи военной истории, поскольку именно военная мощь до XXI в. являлась одним из главных критериев конкурентоспособности национальных социально-экономических моделей. При Петре I Россия при незначительной помощи слабых союзников (Дании, Польши) одержала полную победу над Швецией, чья армия считалась с XVII в. одной из лучших в Европе. Эта победа определенно сигнализировала, что Россия, «поднятая на дыбы», смогла в начале XVIII в. «перепрыгнуть» из периферийных стран в субпериферийные. Во время Семилетней войны 1756–1763 гг. Россия снова подтвердила свой высокий потенциал, почти добившись поражения Пруссии, чья армия считалась лучшей в Европе. Зенитом военной славы России стала эпоха наполеоновских войн, когда в 1812 г. Россия практически без помощи союзников смогла за несколько месяцев сокрушить самую сильную армию Европы. Однако Крымская война положила конец претензиям России на руководящую роль в Европе, а русско-турецкая война 1877–1878 гг. принесла России бесплодную победу. Правление Николая II привело сначала к катастрофическому поражению в войне с Японией и закончилось тем, что Россия, имея сильных (хотя и своекорыстных) союзников, оказалась сокрушительно разбитой в Первой мировой войне. Летопись войн четко показывает, как восходящая тенденция (от Северной войны до Отечественной войны) сменилась нисходящей (от Крымской войны до Первой мировой).

Таблица 10. Отставание России накануне Первой мировой войны от «великих держав» по показателям социально-экономического развития

Показатели национального экономического развития	Год, когда был достигнут уровень Европейской России 1913 г.				Среднее отставание России от 4-х стран, лет
	Великобритания	США	Германия	Франция	
<i>Производственные показатели</i>					
Среднедушевой ВВП	1750	1800	Около 1850	1800	Примерно 110
Урожайность зерновых	Около 1800	Около 1850	Около 1850	Около 1850	Примерно 80
Длина железных дорог на 1 тыс. кв. км	1841	1881	1853	1857	55
<i>Показатели производства социального и человеческого капитала</i>					
Городское население, %	Около 1750	1850	Около 1800	Около 1800	Примерно 110
Грамотность, %	1650	1700	1700	1750	Примерно 210
Продолжительность жизни	Около 1800	Около 1800	Около 1800	1800	Примерно 110

Составлено по: [Миронов 2009, с. 464].

Конечно, военные успехи и уровень социально-экономического развития нации коррелируются отнюдь не в полной мере. Вероятно, императорская Россия даже на нисходящей фазе своей военной истории за счет успехов в социально-экономической модернизации несколько повысила свой статус среди субпериферийных стран.

В любом случае результаты двухвекового опыта сознательного догоняющего развития, понимаемого как «копирующая модернизация», оказались не слишком выразительными: к 1913 г. Россия от «великих держав» по большинству показателей социально-экономического развития отставала примерно на 100 лет (*таблица 10*). И самое главное – эти успехи оказались обратимыми.

В настоящее время большинство исследователей признают, что после революции 1905–1907 гг. императорская Россия заметно сократила институциональное отставание от развитых стран: начал действовать парламент (хотя и с очень ограниченными полномочиями); в результате реформ П.А. Столыпина активизировалось формирование институтов частной собственности у крестьян; развертывалось хозяйственное освоение Сибири. Возможно, если бы у России было еще несколько мирных десятилетий развития, то общество прошло точку невозврата к институтам власти-собственности.

Война как финальный экзамен

В начале Первой мировой войны всеми участниками предполагалось, что война затянется не более чем на несколько месяцев, но длилась она гораздо дольше – четыре года. В результате война превратилась в противоборство не столько национальных армий, сколько национальных экономик, став суровым экзаменатором эффективности национальных экономических систем.

В начале войны считали, что аграрные страны во время войны имеют несомненные преимущества перед промышленными: крестьяне России всегда смогут прокормить себя, а промышленная Британия якобы может очень быстро начать голодать, но на самом деле все получилось с точностью наоборот. Когда началась война, то британским и американским фермерам предложили высокие цены за сельскохозяйственную продукцию. Доля сельского хозяйства в довоенной экономике Великобритании была низка, что сделало расширение агропроизводства более простым: земля, имеющаяся в изобилии, мало использовалась или не использовалась совсем, а высокая производительность труда в сельском хозяйстве означала, что благодаря дополнительным земельным ресурсам при небольших трудовых затратах можно добиться быстрого роста выпуска сельскохозяйственной продукции [Olson 1963; Broadberry, Howlett 2005].

В аграрной же России мобилизация забирала основные ресурсы из сельского хозяйства – прежде всего, юношей-рекрутов и лошадей для армии. В армии этих молодых людей и коней необходимо было кормить, что требовало передачи значительной части продовольствия из крестьянских хозяйств государству. Крестьяне старались вести хозяйство таким образом, чтобы снабжать и фронт, и свою семью: за деньги, вырученные от продажи своей сельскохозяйственной продукции, они приобретали промышленные товары, однако из-за войны поставки промышленных изделий были невелики. В итоге крестьяне теряли стимул продавать продукты, сокращали свою хозяйственную деятельность, и экономика начинала деградировать.

Продуктов питания в России было, в принципе, достаточно, однако они находились в селе и оказывались недоступны для горожан, поскольку крестьяне предпочитали съесть продукты сами, чем продавать их за гроши. То продовольствие,

которое удавалось получать государству, направлялось прежде всего в армию. Городской рынок продовольствия иссякал, городские цены на продукты питания резко возросли, наступил голод. Это соответствует разработанной А. Сеном «экономической теории голода»: главной причиной голододов в слаборазвитых странах обычно являлся вовсе не спад аграрного производства, а институционально обусловленная нехватка продуктов питания в городах [Sen 1983].

В продовольственном кризисе общественность обвиняла спекулянтов или некомпетентных чиновников. На самом же деле возможности политических действий по улучшению положения в воюющей России являлись, скорее, кажущимися, чем реальными, а правительственные решения (например, введение продразверстки в 1916 г.) чаще всего только усугубляли положение. В военное время бедные страны страдали от необратимых последствий довоенной бедности сельского хозяйства, которая мешала им мобилизоваться.

Когда война выявила критическую слабость императорской России, удержать страну от катастрофы можно было только сепаратным выходом из войны (который, впрочем, тоже почти неизбежно вызвал бы политический кризис). Однако Николай II и Временное правительство считали своим долгом выполнение обязательств в первую очередь перед союзниками по Антанте, а не перед народом России. В результате неизбежное мирное соглашение с Германией заключило уже правительство большевиков.

Таким образом, дилемма «жокей или лошадь» применительно к Российской империи должна формулироваться не «кто виноват?», а «кто *больше* виноват?». Когда на «среднеслабую» лошадь садится безответственный жокей, то он не сможет пройти сложную трассу ни при каких обстоятельствах. Умный «жокей» должен благоразумно избегать участия в таких забегах, где у его «лошади» нет шансов. В этом смысле показателен опыт модернизирующейся Японии, которая после революции Мэйдзи очень мудро выбирала себе слабых врагов; ее поражение во Второй мировой войне произошло уже после достижения необратимости модернизационных процессов и, скорее, ускорило эти процессы, чем затормозило. К сожалению, российской «лошади» (общественному строю) отчаянно не повезло с нерадивым «жокеем» (политической элитой). К тому же те, кто должен был бы этому «жокею» помогать, заняли во время «забега» очень двусмысленную позицию.

Революционное нетерпение против реформаторской постепенности

Сложность процессов капиталистической модернизации на протяжении последнего полувека истории Российской империи усугублялась еще тем, что передовая русская интеллигенция выступала не столько союзником имперских реформаторов, сколько их противником. Ярким примером «подталкивания под руку» является убийство народовольцами Александра II 1 марта 1881 г., которое произошло накануне намеченной на 4 марта публикации уже подписанного царем решения об участии представителей земств в работе Государственного совета. Напуганный Александр III немедленно аннулировал решение отца о приближении вплотную к созданию парламента, который появился в России лишь через четверть века.

Противостояние имперских реформаторов и революционеров-интеллигентов объясняется тем, что российская интеллигенция хорошо видела обнажившиеся

на Западе внутренние противоречия капиталистического развития и была пропитана «антикапиталистической ментальностью»²². Ярким символом этих умонастроений является «Железная дорога» Н.А. Некрасова: на строительство Николаевской железной дороги (первой в России железной дороги государственного значения) поэт-народник откликнулся обличением «царя-голода», стгоняющего людей на каторжный труд, и лихоимства предпринимателей-подрядчиков. Экономисты-народники, последователи идей народолюбцев, ломали голову не над стимулированием развития капитализма в России, а над тем, как избежать «капиталистической язвы» и найти для России особый, некапиталистический путь.

Революционная интеллигенция, разуверившись после убийства Александра II в революционности российского крестьянства и в результативности тактики терроризма, страстно желала опереться на какое-нибудь учение об объективности гибели капитализма. Поэтому детерминистские элементы в учении Маркса сразу привлекли ее внимание. «Русский марксизм ждал освобождения от индустриального развития России, которого народничество как раз хотело избежать. Капиталистическая индустрия должна привести к образованию и развитию рабочего класса, который и есть класс-освободитель. Поэтому марксисты стояли за пролетаризацию крестьянства, которой народники хотели не допустить» [Бердяев 1990, с. 79].

В результате марксизм нашел в России пламенных поклонников буквально во всех слоях интеллигенции – и революционной, и либеральной. Профессор политэкономии Московского университета, видный деятель партии кадетов и министр просвещения во Временном правительстве А.А. Мануилов писал, что во второй половине XIX в. наиболее авторитетными и популярными в России были Маркс и Рикардо, что за немногими исключениями все курсы политической экономии были построены на учениях этих экономистов, что особенностью русской экономической мысли того времени стала своеобразная рикардо-марксовская система. «Капиталистическая индустриализация под покровом социалистических идеологий, – писал А. Гершенкрон, – может быть, при ближайшем рассмотрении представляет собой менее удивительное явление, чем кажется на первый взгляд... В условиях российской «абсолютной» отсталости для смазки интеллектуальных и эмоциональных колес индустриализации требовалась гораздо более сильная идеология, чем даже во Франции и Германии» [Гершенкрон 2004, с. 443]. Марксизм в России рубежа XIX–XX вв. парадоксальным образом стал знаменем одновременно и «капиталистической индустриализации» (для легальных марксистов типа М.Б. Туган-Барановского), и антикапиталистического революционного подполья (для революционных марксистов типа В.И. Ленина).

Для привлечения на свою сторону интеллигенции марксистам необходимо было не только показать общие теоретические ошибки народников, но и на конкретном материале, с цифрами в руках, шаг за шагом раскрыть особенности развития капитализма в России. В этих условиях задача защиты марксизма переросла в задачу конкретизации и дальнейшего развития марксистской теории на материалах страны «второго эшелона» развития капитализма, что и попытался сделать В.И. Ленин. В работе «Развитии капитализма в России» молодой революционер, отбывавший ссылку в Сибири, стремился доказать, что Россия уже в основном включена в капиталистическую систему хозяйства, что, соответственно, ставило

²² О неприятии российской дореволюционной интеллигенцией буржуазных ценностей и личной ответственности см., например [Экитут 2012].

на повестку дня вопрос о подготовке революционного перехода к социализму как более высокоразвитой общественной системе. Такая предвзятая задача потребовала от автора известных натяжек. Изыскания В.И. Ленина отнюдь не переубедили легальных марксистов, но оказались вполне достаточными для обоснования нового революционного движения, делающего ставку не на крестьянство, а на пролетариат.

Таким образом, распространение марксизма в Российской империи «вширь» произошло в гораздо большей степени, чем это позволяли внутренние экономические, социальные или культурные условия. Но та же российская действительность стала тормозом для распространения марксизма в России «вглубь», для его развития в целостной и адекватной первоисточнику форме.

Большевики творчески «развили» Маркса-революционера, который создал настоящий миф об исторической роли пролетариата в освобождении человечества, хотя этот миф и противоречил некоторым идеям Маркса-ученого. (Действительно, отрицание революционности рабов и крепостных крестьян плохо состыкуется с упованиями на пролетарскую революцию.) Миф о пролетарской революции оказался для российских революционеров недостаточным и получил дальнейшее развитие в трудах большевиков (и, прежде всего, В.И. Ленина), дополнившись мифом о революционной партии как авангарде (и даже субституте) пролетариата.

Когда в 1917 г. большевики пришли к власти, они на собственном горьком опыте убедились, что им приходится ставить эксперимент в стране даже не «среднеслабого», а просто слабого (после Смуты 1917–1920 гг.) развития капиталистических отношений. Тем самым они попутно дали окончательную оценку результатам «путешествия» России во втором «эшелоне» развития капитализма: к началу XX в. страна не решила еще основных задач промышленной революции (например, урбанизации), с которыми страны первого «эшелона» справились уже к середине XIX в. Такой плачевный результат привел к неверию в прогрессивные потенции российского капитализма как такового, поэтому даже «коренная перемена всей точки зрения нашей на социализм» не привела в 1920-е гг. к реабилитации капиталистической модернизации. Импорт в Россию марксизма как одной из форм идеологии вестернизации/европеизации парадоксально привел к резкому расхождению путей институционального развития России и Западной Европы.

В двух последующих статьях авторы намерены показать дальнейшее развитие противоречия между явным стремлением российской элиты к модернизации и весьма неоднозначными последствиями действий модернизаторов, «страшно далеких от народа». В результате как в советский, так и в постсоветский периоды развитие России изумляло и зарубежных наблюдателей, и самих россиян.

Литература

- Ахиезер А., Клямкин И., Яковенко И.* (2013) История России: конец или новое начало? М.: Новое издательство. (*Ahieser A., Kliamkin E., Jakovenko E.* (2013) History of Russia: the End or the New Beginning? Moscow: New Publishing house).
- Бердяев Н.А.* (1990) Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука (*Berdjaev N.A.* (1990) Sources and Sense of Russian Communism. Moscow. Nauka).
- Водолазов Г.Г.* (1967) От Чернышевского к Плеханову. М.: Изд-во МГУ. (*Vodolazov G.G.* (1967) From Chernyshevsky to Plechanov. Moscow. Publishing house MSY).

- Гершенкрон А. (2004) Экономическая отсталость в исторической перспективе // Истоки: экономика в контексте истории и культуры. М.: ГУ ВШЭ (*Herschenkron A. (2004) Economic Backwardness in Historical Perspective // Sources: Economy in a Context of a History and Culture. Moscow. NRU HSE.*)
- Глинчикова А. (2008) Раскол или срыв «русской Реформации»? М.: Культурная революция (*Glinchikova A. (2008) Split or Failure «Russian Reformatio»? Moscow. The Cultural Revolution.*)
- Горская Н.А. (ред.) (2001) Собственность в России: Средневековье и раннее новое время. М.: Наука (*Gorskaya N. (ed) (2001) Property in Russia During Medieval Age and the Early Modern Times. Moscow. Nauka.*)
- Грегори П. (2003) Экономический рост Российской империи (конец XIX – начало XX в.): Новые подсчеты и оценки. М.: РОССПЭН (*Gregory P. (2003) Economic Growth of Russian Empire (the end XIX – the beginning XX in.): New calculations and estimations. Moscow. ROSSPEN.*)
- Зимин А.А. (1960) Реформы Ивана Грозного. М.: Издательство Соцэргиз (*Zimin A.A. (1960) Reforms of Ivan the Terrible. Moscow. Publishing house Sotsekiz.*)
- Зырянов П.Н. (1999) Полтора века споров о русской сельской общине // Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX-XX веков. СПб.: Алетейя (*Zyrjanov P.N. (1999) One and a Half Centuries of Disputes on Russian Rural Community // Problems of a Social and Economic and Political History of Russia XIX-XX of centuries. St. Petersburg. Aleteja.*)
- Исаков Л.А. (2012) Неформальные и теневые аспекты старорусского капитализма // Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований). Т. 4. № 3 (*Isakov L.A. (2012) Informal and Shadow Aspects of Old Russian Capitalism // Journal of Institutional Studies. Vol. 4. No 3.*)
- Кагарлицкий Б. (2004) Периферийная империя. М.: «Ультра.Культура» (*Kagarlitskiy B. (2004) Peripheral Empire. Moscow. Ultra Culture.*)
- Ковалев С.Н., Латов Ю.В. (2000) «Аграрный вопрос» в России на рубеже XIX – XX вв.: попытка институционального анализа // Вопросы экономики. № 4 (*Kovalev S.N., Latov J.V. (2000) «Agrarian Question» in Russia on a Boundary XIX - XX centuries: Attempt Institutional Analysis // Voprosy Ekonomiki. No 4.*)
- Ковальченко И.Д., Милов Л.В. (1974) Всероссийский аграрный рынок XVIII – начала XX вв. М.: Наука (*Kovalchenko I.D., Milov L.V. (1974) All-Russia Agrarian Market XVIII - the Beginnings XX centuries. Moscow. Nauka.*)
- Ковальченко И.Д. (1991) Столыпинская аграрная реформа (Мифы и реальность) // История СССР. № 2 (*Kovalchenko I.D. (1991) Stolipin's Agrarian Reform (Myths and a reality) // Istorija SSSR. No 2.*)
- Коротаев А.В., Малков А.С., Халтурина Д.А. (2007) Законы истории: Математическое моделирование развития Мир-Системы. Демография, экономика, культура. М.: КомКнига/URSS (*Korotaev A.V., Malkov A.S., Halturina D.A. (2007) Laws of a History: Mathematical Modelling of Development of World-system. A Demography, Economy, Culture. Moscow. KomKniga/URSS.*)
- Латов Ю.В. (1) (2012) Клио берет калькулятор (клиометрические case-study к институциональной экономической истории российской цивилизации) // Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований). Т. 4. № 2 (*Latov J.V. (1) (2012) Klio Takes the Calculator (kliometric case-study to institutional economic history of the Russian civilization) // Journal of Institutional Studies. Vol. 4. No 2.*)
- Латов Ю.В. (2) (2012) Экономика дискриминации при «традиционном капитализме» (Размышления над книгой Д.Е. Раскова «Экономические институты старообрядчества») // Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований). Т. 4. № 3 (*Latov J.V. (2) (2012) Economy of Discrimination at 'Traditional Capitalism' (Reflections*

- above D.E. Raskov's book 'Economic institutes staroobriadchestva') // Journal of Institutional Studies. Vol. 4. No 3).
- Латов Ю.В.* (2013) Иван Посошков как зеркало российской модернизации (к 290-летию рождения российской экономической науки) // Terra Economicus. Т. 11. № 1 (*Latov J.V.* (2013) Ivan Pososhkov as a Mirror of the Russian Modernization (to a 290-anniversary of Birth of the Russian Economic Science) // Terra Economicus. Vol. 11. No 1).
- Ленин В.И.* Полн. собр. соч. М. (*Lenin V.I.* The full collected works. Moscow.).
- Маркс К., Энгельс Ф.* М. Соч. (*Marx K., Engels F.* Moscow. The collected works).
- Миронов Б.Н.* (1978) Социальное расслоение русского крестьянства под углом зрения социальной мобильности // Проблемы аграрной истории. Минск. Ч. 2 (*Mironov B.N.* (1978) Social Stratification of Russian Peasantry from this Point of View Social Mobility // Problems of an agrarian history. Minsk. Ch. 2).
- Миронов Б.Н.* (2003) Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). СПб.: «Дмитрий Буланин» (*Mironov B.N.* (2003) Social History of Russia of the Period of Empire (XVIII - the beginning XX centuries). St. Petersburg. Dmitry Bulanin).
- Миронов Б.Н.* (2009) Историческая социология России. Учебное пособие. СПб: Издательский дом С.-Петерб. ун-та; Интерсоцис (*Mironov B.N.* (2009) Historical Sociology of Russia. The manual. St. Petersburg. Isdatelskij dom Sankt-Peterburgskogo unisersiteta).
- Миронов Б.Н.* (2012) Благополучие населения и революции в имперской России: XVIII – начало XX века. М.: Весь мир. (*Mironov B.N.* (2012) Well-being of the Population and Revolutions in Imperial Russia: XVIII - the beginning of XX century. Moscow. Whole World).
- Мэддисон Э.* (2012) Контуры мировой экономики в 1-2030 гг. Очерки по макроэкономической истории. М.: Изд-во Института Гайдара (*Maddison A.* (2012) Contours of Economic in 1-2030. Sketches on a Macroeconomic History. Moscow. Publishing House of the Gaidar Institute).
- Нефедов С.А.* (2011) История России. Факторный анализ. Том 2. От окончания Смуты до Февральской революции. М.: Территория будущего (*Nefedov S.A.* (2011) History of Russia. The Factorial Analysis. Vol. 2. From Ending Smuta before February Revolution. Moscow. Territorija buduschego).
- Нуреев Р.М.* (2005) Теория общественного выбора. Курс лекций. М.: ГУ-ВШЭ (*Nureev R.M.* (2005) Theory of a Public Choice. A Rate of Lectures. Moscow. SU HSE).
- Нуреев Р.М.* (2008) Экономика развития: модели становления рыночной экономики. Учебник. 2-е изд. М.: Норма, ИНФРА-М (*Nureev R.M.* (2008) Economy of Development: Models of Becoming of Market Economy. The textbook. Moscow. Norma, INFRA-M).
- Нуреев Р.М.* (2009) Россия: особенности институционального развития. М.: Норма, ИНФРА-М (*Nureev R.M.* (2009) Russia: Features Institutional Development. Moscow. Norma, INFRA-M).
- Нуреев Р.М., Латов Ю.В.* (2010) Россия и Европа: эффект колеи (опыт институционального анализа экономического развития). Калининград: Изд-во БГУ им. И. Канта (*Nureev R.M., Latov J.V.* (2010) Russia and Europe: Effect of a Track (Experience of Institutional Analysis of Economic Development). Kaliningrad. Publishing House of the BSU named after Immanuel Kant).
- Нуреев Р.М., Латов Ю.В.* (2011) Когда и почему разошлись пути развития России и Западной Европы (подход с позиции институциональной экономической истории) // Мир России. № 4 (*Nureev R.M., Latov J.V.* (2011) When and Why Be Dispatched a Way of Development of Russia and the Western Europe (the approach from a position of institutional economic history) // Universe of Russia. No 4).
- Нуреев Р.М., Рунов А.Б.* (2002) Вперед к частной собственности или назад к частной собственности? // Общественные науки и современность. № 5 (*Nureev R.M., Runov A.B.* (2002) Forward to a Private Property or Back to a Private Property? // Social Sciences and the present. No 5).

- Оссовская М.* (1987) Рыцарь и буржуа. Исследования по истории морали. М.: Прогресс (*Ossowska M.* (1987) *Knights and the Bourgeois. Researches on a History of Morals.* Moscow. Progress).
- Пантин И.К., Плимак Е.Г., Хорос В.Г.* (1986) Революционная традиция в России: 1783–1883 гг. М.: Мысль (*Pantin I.K., Plimak E.G., Horos V.G.* (1986) *Revolutionary Tradition in Russia: 1783–1883.* Moscow. Thought).
- Попов Г.Х.* (1989, 1990) Отмена крепостного права в России («Великая» реформа 19 февраля 1861 г.) // Истоки. Вып. 1. М.: Экономика; Вып. 2. М.: Экономика (*Popov G.H.* (1989, 1990) *The Cancellation of the Serfdom in Russia («Great» reform February 19, 1861) // Sources. Vol. 1. Moscow: Ekonomika; Vol. 2. Moscow. Ekonomika).*
- Поршнева Б.Ф.* (1964) Феодализм и народные массы. М.: Наука (*Porshnev B.F.* (1964) *Feudalisms and Broad Masses.* Moscow. Nauka).
- Расков Д.Е.* (2012) Экономические институты старообрядчества. СПб.: Изд-во С.-Пб. унта. (*Raskov D.E.* (2012) *Economic Institutes Staroobriadchestva.* St. Petersburg. Publishing House of St. Petersburg. Univ.).
- Розенберг Н., Бирдселл Л.Е.-мл.* (1995) Как Запад стал богатым. Экономическое преобразование индустриального мира. Новосибирск (*Rosenberg N., Birdsell L.E.-jun.* (1995) *How the West Became Rich. Economic Transformation of the Industrial World.* Novosibirsk).
- Супоницкая И.М.* (2000) Американский раб и русский крепостной: типология и специфика принудительного труда // Вопросы истории. № 9 (*Suponitskaja I.M.* (2000) *American Slave and the Russian Serf: Typology and Specificity of Forced Labour // Questions of History. No 9).*
- Туманов П.* (1991) Некоторое влияние земельных реформ на производительность российского сельского хозяйства в 1905–1913 гг. // Экономика и математические методы. Т. 27. № 6 (*Tumanov P.* (1991) *Some Influence of Land Reforms on Productivity of the Russian Agriculture in 1905–1913 // Economy and mathematical methods. Vol. 27. No 6).*
- Цаголов Н.А.* (1949) К вопросу об экономическом содержании «крестьянской реформы» (Теоретические заметки) // Известия АН СССР. Отделение экономики и права. № 6. (*Tzagolov N.A.* (1949) *To a Question on the Economic Contents of «Country Reform» (Theoretical notes) // Izvestija Akademii Nauk SSSR. Branch of economy and the law. No 6).*
- Филд Д.* (1992) Расслоение в русской крестьянской общине: статистическое исследование // =Россия и США на рубеже XIX–XX вв. Математические методы в исторических исследованиях: Сб. ст. М.: Наука (*Fild D.* (1992) *Stratification in Russian Country Community: Statistical Research // Russia and USA on boundary XIX–XX centuries. Mathematical methods in historical researches.* Moscow. Nauka).
- Чаянов А.В.* (1989) Организация крестьянского хозяйства // Чаянов А.В. Крестьянское хозяйство: Избранные труды. М.: Экономика (*Chajanov A.V.* (1989) *Organization of a Peasant Economy // Chajanov A.V. A Peasant Economy: the Elected Works.* Moscow. Ekonomika).
- Экштут А.* (2012) Закат империи. От порядка к хаосу. М.: Вече (*Ekshtut A.* (2012) *Decline of Empire. From the Order to Chaos.* Moscow. Veche).
- Antsiferov A.N.* (1930) *Russian Agriculture During the War.* N.Y.: Greenwood Press.
- Broadberry S.N., Howlett P.* (2005) *The United Kingdom During World War I: Business as Usual? // The Economics of World War I.* Cambridge: Cambridge University Press.
- Hayami Y.* (1997) *Development Economics From the Poverty to Wealth of Nations.* Oxford.
- Hershenkron A.* (1962) *The Approach to European Industrialization: a Postscript // Economic Backwardness in Historical Perspective: A Book of Essays.* Cambridge (Mass.), Harvard University Press.
- Gregory P.* (1982) *Russian National Income, 1885–1913.* N.Y.: Cambridge University Press.
- Leonard C.* (2003) *Russian Agrarian Reform. The Road from Serfdom.* Royal Institute of International Affairs.

Maddison A. (2001) *The World Economy: a Millennial Perspective*. OECD.

North D.C., Weingast B.W. (1989) *Constitutions and Commitment: The Evolution of Institutions Governing Public Choice in 17th Century England* // *Journal of Economic History*. December. Vol. 49. P. 803-832.

Olson M. (1963) *The Economics of the Wartime Shortage: A History of British Food Supplies in the Napoleonic War and in World Wars I and II*. Durham, NC: Duke University Press.

Shanin T. (1985) *Russia as a «Developing Society»*. London.

Sen A.K. (1983) *Poverty and Famines: An Essay on Entitlement and Deprivation*. Oxford: Oxford University Press.